

Александр Морозов

МЕЧТА ДОРОГА К МОРЮ

Александр Морозов

Мечта. Дорога к морю

«Издательство «Перо»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Морозов А. Н.

Мечта. Дорога к морю / А. Н. Морозов — «Издательство «Перо»,
2026

ISBN 978-5-00270-869-7

Капитан небольшого суденышка, на котором проходят практику мальчишки-юнги из клуба юных моряков, после занятий увлекает ребят рассказами у костра про пиратов Карибского моря далеких времен освоения Америки, про приключения бывшего удачливого пирата капитана Лаки и его товарищей. Завороженные рассказами мальчишки по-настоящему представляют себя на борту шхуны «Буэнавентура» с участием в погонях и сражениях, как скрывались от преследования на необитаемом острове. О том, как небольшой экипаж шхуны не желает заниматься далеко не романтичным пиратским промыслом, а мечтает об острове в Средиземном море, на котором можно было бы поселиться и заняться честным трудом. Как они, преодолевая препятствия и трудности, шли к этой цели.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00270-869-7

© Морозов А. Н., 2026
© «Издательство «Перо», 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Морозов
Мечта. Дорога к морю

© Морозов А.Н., 2026

Часть 1

Приключения капитана Лаки

Глава 1

Первое сентября! Особый и неповторимый день (для каждого школьника! Совсем не потому, что торжественная линейка, наряженные первоклашки с родителями, и первый им звонок колокольчиком, напутственные речи с трибуны и прочие атрибуты торжественности. А потому (осмелюсь от имени всех школьников сказать), что смотришь на своих одноклассников другими глазами. Прошло-то всего три месяца, а они другие. И соскучиться успел, как-то ближе и роднее они стали, даже те, которых в прошлом году и недолюбливал. В конце года как: вот Васька с Петькой прошли, а вот Алка с Галкой – за год так примелькались, что и не замечаешь ничего особенного, а тут присмотрелся – столько всего нового увидел. И Васька с Петькой не такие заносчивые и нудные со своими дурацкими шуточками. Да и Алка с Галкой вдруг похорошели, вроде не вредные вовсе. Все нарядные, весёлые, в хорошем настроении, шутки и смех отовсюду. Вот, в чём праздник!

И уроки первого сентября – мечта лентяя. Учителя по нам, а мы по ним соскучились. Пока впечатлениями поделимся, и урок закончится. Первое домашнее задание и то в радость. В этом вся прелесть первого сентября, другого такого дня нет.

Первая неделя проскочила быстро, и в пятницу друзья Борис и Кирилл отправились к Александру Ивановичу, в кружок судомоделирования, поздороваться и поделиться впечатлениями о прошедших каникулах, узнать о планах на следующий учебный год. Он их встретил с напускной строгостью:

– Где вы шляетесь? Чуть было без вас не уехали.

– Мы? Вот они. Готовы ехать хоть сейчас, – заулыбался Борька, уловив шутку.

– Даже не спрашиваете, куда и когда?

– А мы всегда готовы и куда угодно, – поддержал Борьку Кирилл.

– Ладно. Завтра в семь утра сбор здесь у клуба. Принесёте письменное разрешение от родителей на экскурсию с ночёвкой с субботы на воскресенье.

– А мы куда?

– Есть у меня давний корешок Федя Ушаков, капитан небольшой посудины. Повезёт нас в небольшое плавание, высадимся на берег, пожжём костры.

– Тот самый? – с изумлением спросил Борька.

– Тот самый. А какой ещё? – недоумённо ответил Александр Иванович и тут же сообразил. – А-а-а, понял. Нет, тот был адмиралом и похоронен давно. А Федя пока капитан и вполне себе живой. Мне разрешили организовать Клуб юных моряков, а Федино судно использовать в качестве учебного. Далековато, правда, стоит, будем по выходным ездить. Автобус обещали предоставлять. Вы готовы?

– Сан Ваньч, да мы двумя руками «За». Ух ты, своё учебное судно будет! Мы на руле умеем стоять. Порулить дядя Федя даст?

– Умеете? Откуда? – Александр Иванович недоверчиво посмотрел на них.

Ребята, перебивая друг друга, торопясь и сбиваясь, начали рассказывать о своём плаваньи и первом опыте на сейнере. В мастерской было ещё пятеро ребят. Они были чуть старше Бориса и Кирилла, кто-то на год, кто-то на два. Они тоже подтянулись к рассказчикам и внимательно слушали. Внимательно слушал и Александр Иванович, иногда задавая вроде незначительные вопросы, но по ответам ребят убедился, что они ничего не привыряют.

Дослушав рассказ мальчишек, Александр Иванович сказал:

– Ну что ж, я рад за вас. Опыт ценный, но нам предстоит начать с низов. Фёдор, тоже Иванович, будет у вас руководителем практических занятий. Научит шкрябать ржавчину, красить, драить палубу и другим премудростям. Не рассчитывайте, спуску не даст. Пока нас семеро: вот Дмитрий и Константин, Андрей, Александр и Пётр, ну и Борис с Кириллом. Надеюсь, ещё ребята подтянутся. Учебный год только начался.

– А как судно называется? Может, «Мечта»? – спросил Борька, улыбаясь.

– Нет, пока судно называется «Водолаз 3», – ответил Александр Иванович.

– Мы, что под водой будем плавать? – не унимался Борька.

– Ну если только по пути ко дну, когда вдруг будем тонуть, – усмехнулся Александр Иванович. – Когда-то это судно обеспечивало работу водолазов под водой и после погружения. Потом необходимость в этом пропала, оборудование ветшало, приходило в негодность. В конце концов, все механизмы, связанные с подводными работами, порезали, оборудование сняли. Сейчас оно в качестве буксира или катера обслуживает земснаряд на канале. Давайте расходиться, завтра жду вас в 07.00. Да, чуть не забыл, возьмите с собой картошки, запечём на костре, овощей немного и хлеба. Я пока не знаю, что там с удовольствием для нас. И тёплые вещи не забудьте, у воды не жарко.

Ребята летели домой, будто опаздывали. А дома с порога начали требовать написать кому-то какое-то письмо, загрузить их продуктами и тёплыми вещами.

– Там сам Фёдор Иванович Ушаков будет! – горячился Борька.

– Фёдор Ушаков, вроде бы, Фёдорович, и нет его давно с нами, – заметил отец.

– Ну он внук или, как там, правнук того самого. Нам завтра к семи утра.

– Ладно, успокойся и начни с самого начала.

В конце концов выяснив, чего от них требуется, родители приготовили их к поездке, и в семь утра мальчишки были на месте сбора.

Подожёл автобус, старый ПАЗик, и повёз первую команду клуба юных моряков в первую «экспедицию». Ехать пришлось не более получаса, и автобус вывез их на берег канала к месту стоянки судна. Высадившись из автобуса, ребята сгрудились вокруг Александра Ивановича. Он указал на небольшое судёнышко, стоящее у импровизированного причала, состоящего из нескольких пар понтонов, используемых земснарядом, покрытых нешироким деревянным щитом для прохода на судно:

«Вот эту “красавицу” нам нужно довести до ума, чтоб она здесь была лучше всех».

Ребята смотрели на «красавицу» и им не верилось, что её можно довести до ума. Краска на ней выгорела, непонятно, где какой цвет. И вся покрыта красными пятнами, будто приболела ветрянкой или краснухой. Только дымовая труба была выкрашена белилами и опоясана яркой красной полосой.

– Александр Иванович, а что труба такая? – спросил Кирилл.

Александр Иванович приобнял его, похлопал по плечу и, улыбаясь, сказал:

– Трубы на любом судне, как губы у девушки, всегда должны быть подкрашены.

– А-а-а, – протянул Кирилл, – понял.

Хотя, если по правде, не очень-то. Переспрашивать не стал, чтоб не показаться невеждой.

Всей гурьбой ребята направились к судну. На берегу было всего два и то временных строения. Сторожка охранника и небольшая мастерская, частично открытая в виде навеса и широкого верстака для ремонта понтонов и шлангов. Никакого ограждения и ограничения, только сторож и собака. Рабочих не было – выходные дни. Перед сходней на судно их встретил сам капитан судна Фёдор Ушаков. Они обнялись с Александром Ивановичем, как давние друзья, и Фёдор Иванович пригласил всех на судно. Пока мужчины обменивались последними

новостями, пацаны рассыпались по судну. Кто-то на баке ощупывал брашпиль¹, пытаясь что-нибудь там покрутить, кто-то на корме старался вручную провернуть шпиль², а кто-то был уже на верхнем мостике.

– Ну что, Федя, за краску я, вроде, договорился, – начал Александр Иванович, – обещали на следующей неделе подвезти: 30 килограммов белой, 30 зелени, 30 шаровой и 20 грунта, плюс инструмент.

– Вот за это спасибо! Белой и зелени хватит, а вот на борт 30 может не хватить. Выйдет как с цыганским табором, один борт покрасим и все.

– Причём тут цыганский табор?

– Ты что, анекдот забыл? Цыганский табор заключил договор с судоремонтным заводом на покраску борта судна. Один борт покрасили и пришли деньги требовать за работу. Им говорят, что и второй борт надо покрасить, а они тычут в договор – здесь написано: «Мы, цыганский табор, с одной стороны и администрация завода, с другой стороны... Мы свою сторону покрасили, деньги давай, начальник!»

– Должно хватить. Нет, буду ещё просить и выбивать. А на следующие выходные приедем работать, готовьте инструмент.

К ним подошёл второй член экипажа, Григорий, парень лет двадцати пяти, он же матрос-рулевой, он же боцман, он же моторист и он же кок, как Змей Горыныч един о нескольких головах, и пожаловался: «Фёдор Иванович, они здесь все разнесут!»

Фёдор Иванович приказал ему собрать и построить всех в шеренгу здесь, на кормовой палубе. Когда все собрались и построились, он обратился к ним:

– Товарищи юнги, судно является зоной повышенного риска. Поэтому без команды и разрешения – ни вправо, ни влево. Для нарушителя это будет его последний рейс. Всем понятно?

– Понятно! – вразнобой раздался голоса юнг.

– Григорий, троих – на картошку, двоих – драить носовую часть и двоих – на корму. Пошли, Александр Иванович, Григорий разберётся.

Из дверей в надстройке высунулся третий член экипажа, ещё один «Змей Горыныч»: старший механик – дублёр капитана – боцман и вообще, мастер на все руки.

– Фёдор Иванович, мы будем сегодня отходить, или как?

– Будем, будем, Петрович. Готовь машину, Григорий управится и пойдём.

– Машина готова, кнопочку на мостике надави, она и запустится.

Ивану Петровичу было далеко за пятьдесят, и ему позволялась некоторая фамильярность. Тем более они давно с капитаном друг друга знали и дружили. А Григорий заканчивал инструктаж на корме:

– Вот вам жидкое мыло, вот вам щётка, а вот ведро, – он указал на ведро с кончиком³ (верёвкой) длиной метра три-четыре, закреплённым за кормовой леер⁴. – Воду берите из гидранта⁵, вот он. Не вздумайте на ходу из-за борта черпать. Наведёте раствор, пройдёте переборки надстройки и фальшборт щёткой, смоете водой, потом перейдёте к палубе таким же макаром. Все ясно?

Получив утвердительный ответ, он удалился. Вскоре забурчал в глубине двигатель, отдали швартовы, и «Водолаз 3» побежал вверх против течения по каналу. Ребята приступили к выполнению задания. Борька приоткрыл гидрант и поставил ведро. Но гидрант то плевался

¹ Механизм для отдачи и подъёма якорей.

² Механизм с вертикальным барабаном для выборки и натяжения швартовых концов при швартовке.

³ Линь, фал, проводник, кончик, конец, трос, канат, в т. ч. швартовый – для простоты: в любом случае (если не стальной) веревка разного диаметра и назначения.

⁴ Не сплошное ограждение на палубах судна в виде вертикальных стоек и горизонтальных тросов либо металлических прутьев.

⁵ Пожарный кран с приспособлением для подключения пожарных шлангов.

ржавчиной, то фыркал воздухом, то бил струёй до фальшборта, то замирал совсем. Намучившись в попытках поймать струю воды, он разозлился: «Что может случиться? Никто и не увидит, а я из-за борта черпану воды». Он взял ведро и, держа в руках кончик, бросил его с кормы за борт. Ведро плюхнулось на воду дном, но как только под натяжением кончика развернулось и ушло под воду, рвануло кончик с такой силой, хоть Борька и старался держать его крепко, но кончик sprysнул в ладонях Борьки, оставив на ладонях обожжённые красные полосы, будто он схватился за раскалённый металл. Борька «заплясал» от боли, то дул на ладони, то тряс ими, то прикладывал к ушам. Не будь ведро привязано, то уплыло бы оно или утонуло. Кончик надрался, то есть натянулся, до предела и вдруг ослаб. Кирилл подбежал, пытаясь помочь другу в борьбе с ведром, начал выбирать кончик из-за борта. Ведро послушно, как рыбёшка на крючке, поддалось, и не очень-то туго, но, когда его подняли на палубу, оказалось пустым и без дна.

Фёдор Иванович сам стоял на руле, управляя судном, рядом в рубке примостился и Александр Иванович. Петрович в машинном отделении подтягивал какой-то фланец, а Григорий и обед готовил, и мотался по палубе, стараясь за всеми уследить. На корме он обнаружил, что Кирилл и Борис ещё не приступили к работе, а стоят у пустого ведра и смотрят на него. Он приготовился устроить им разнос:

«Что вы на него смотрите? Ведра не видели? – приподнял ведро и всё понял. Он взвыл, сжав кулаки. – У-у-у! Я же говорил! Влетит теперь из-за вас, покажите руки!» Приказал Борьке следовать за ним. В кубрике⁶ достал аптечку, смазал ладони мазью от ожогов и перебинтовал: «За что на мою голову такие работнички?»

Борька поначалу виновато молчал, потом попытался оправдаться:

– Из гидранта вода не шла, только ржавчина и воздух, вот я и...

– Мы ж насос только запустили, специально для вас. Ума не хватило открыть кран побольше, чтоб и воздух из труб выгнать, и ржавчину промыть? Иди уже с глаз.

Покончив с первой своей приборкой на судне, юнги под руководством всё того же Григория вынесли из кубрика длинный стол на корму, две лавки и пару табуреток. Из кладовой под палубой достали три мата, примерно такие же, как в школьном спортзале, застелили ими палубу в кубрике – приготовили место для ночлега. Приближалось время обеда, с камбуза доносился запах вкуснятины, от него в животах пацанов шла то ли война, то ли революция. Расставили посуду и юнги уселись за стол, с торца стола сел Петрович. Григорий принёс две большие квадратные чугунные сковородки с жареной картошкой и поставил на стол по разным концам стола: «Сегодня я, следующие разы – ваши, будете по очереди дежурить на камбузе». Юнги схватились за ложки и потянулись ими к сковородкам. «Отставить! – приказал Петрович. – Жди мою команду!»

Ребята замерли с ложками наготове. Петрович наложил себе в тарелку картошки с горкой, закинул в рот первую порцию, погонял её во рту, выдыхая горячий воздух и остужая, разжевал и сглотнул. Пацаны в ожидании, как замороженные, смотрели ему в рот. Петрович удовлетворённо хмыкнул, осмотрел всех и приказал: «Приступить к приёму пищи!» Ложки быстро, торопясь, застучали, и вскоре сковородки опустели. Петрович быстро разделался с обедом и пошёл подменить на руле капитана.

Подшли Фёдор Иванович и Александр Иванович, расселись с торцов стола. Григорий принёс им из камбуза отдельно по тарелке картошки, иначе с этой «бандой» им ничего бы не досталось. Фёдор Иванович сразу обратил внимание на забинтованные Борькины руки.

– Что с руками? – спросил он и посмотрел на Григория.

– Рыбу ведром ловил, – ответил тот.

– Понятно. Я вас предупреждал. Теперь ещё и Григория вынужден наказать.

Борька чуть не плакал, дрожащим голосом выступил в защиту и произнёс:

⁶ Жилое помещение для совместного проживания членов экипажа судна.

– Григорий не виноват, он предупреждал. Воды в кране не было, и я это...

– Обратите внимание, к чему приводит безграмотная самоуверенность. – обратился Фёдор Иванович к остальным. – Мог и покалечиться, или за борт упасть. На судне лишних слов в приказах нет. Ступил на борт судна, оставь свою халатность и безалаберность на берегу. Одно ведро наказало за пренебрежение к инструктажу, и мне не хотелось бы, чтоб и остальные получали опыт аналогичным способом. Что будем с ним делать?

– Давайте на первый раз простим! – загалдели ребята. – Мы всё поняли, поручимся за него.

– Хорошо, – смягчился Фёдор Иванович, – первый и последний раз прощаю.

Борька ёрзал на лавке, склонив голову, чтоб не заметили улыбки на его лице – самое страшное осталось позади.

Часа через два справа поносу взамен унылых песчаных холмов на обоих берегах показались деревья. Небольшая рощица подступала к самому берегу. Откуда она здесь, среди песков, было просто удивительно. Может подземный источник, участок другой плодородной почвы, а потом канал помог создать небольшой оазис, подпитываемый влагой. Это и был пункт конечного назначения путешественников.

Берег здесь был приглубый и над водой чуть обрывистый примерно на метр. Фёдор Иванович развернул судно носом к берегу, плавно и точно подошёл носом к ближайшему к воде дереву. Работая машиной «самый малый вперёд», упёрся носом в берег, удерживая судно в этом положении. Григорий спрыгнул с носа на берег, принял поданный Петровичем швартовный конец, обвёл его вокруг дерева дуплинем⁷ и вернул гашу⁸ на судно. После того, как Петрович закрепил швартов, застопорили машину, и «Водолаз 3», натягивая швартов и разворачиваясь по течению, плавно правым бортом прижался к берегу. Установили небольшую сходенку, и «экспедиция» в полном составе высыпала на берег. Место для костра было совсем рядом, частично обложено камнями и кирпичами, видно, не первый раз здесь палили костры. Вокруг лежали и деревянные овощные ящики, и кусок бревна, и дырявое ведро, накрытое фанеркой – все это использовалось, похоже, в качестве сидений. Петрович принёс дополнительно две табуретки для капитана и Александра Ивановича.

Ребятам было дано задание собрать хворост и сухостой для костра, и пацаны разбрелись в поисках по рощице. Подносили собранное, а Григорий, тут же, на бревне рубил ветки нужных для костра размеров.

Опуская подробности, следует сказать: костёр разжигали два раза, пекли в горячей золе и углях картошку, ели свежие помидоры и огурцы, лук и чеснок, соль и хлеб. А ещё и крепкий чай, приготовленный Григорием. Вы пробовали вкуснее?

Потекли разговоры, воспоминания, рассказы ребят о своих впечатлениях на каникулах, кто и где был, и что сотворил или натворил. Борис и Кирилл рассказали, как они провалились в пещеру и потом выбирались из неё. Время летело незаметно.

Около полуночи первым на судно ушёл Григорий, сказав, что ему рано вставать, и нужно выспаться. Потом Сашка прикорнул на плече Петровича, и Петрович позвал его: «Пойдём, Сашок, спать». Тот, как телок, продолжая спать на ходу, побрёл следом.

– Может, и нам пора спать? – предложил Фёдор Иванович.

– Давайте, ещё немного посидим, – взмолились ребята, – спать совсем неохота.

– Ну что ж, давайте посидим. Давайте, я вас перемещу на пиратский корабль?

– Это как? – загорелись ребята. – Машиной времени?

⁷ Конец троса, обведённый вокруг тумбы, кольца рыма так, чтобы оба конца швартовного троса находились на судне.

⁸ Петля на конце швартовного троса, накладывается на береговую тумбу и т. д.

– Почти, – улыбнулся Фёдор Иванович. – Рассаживайтесь по парам, закрывайте глаза и представляйте, что вас подхватила неведомая сила и куда-то понесла. А я буду вам в этом помогать, описывать события, которые будут с вами происходить. Готовы?

– Да, готовы! – мальчишки зажмурили глаза и представили, будто несутся они в бесконечности куда-то в неизвестность.

Глава 2

Фёдор Иванович начал свой сказ:

«Опустились ребята на ноги, но не удержались, скатились бы, возможно, и за борт, если б чьи-то сильные руки не ухватили их за шиворот и не усадили посреди палубы перед кормовой надстройкой. Они оказались на каком-то паруснике, идущем при боковом ветре и с таким креном на правый борт, что временами «черпал» волну фальшбортом.⁹ При таком крене трудно было устоять на ногах, однако мальчишки попытались встать, но руки переместились на их головы, не позволяя подняться.

– Эй, капитан! Посмотри какой «клад» нам подкинул Морской дьявол, – раздался голос из-за спины мальчишек, – никак жертву себе требует.

– Здесь без нечистой силы не обошлось, – кричал другой, – они совсем сухие.

– За борт их, и дело с концом! – подключались другие голоса. – Нек доброу это!

Ребята подумали, что игра, пожалуй, затянулась, и надо объясниться. Попытались опять встать, но получили приличные затреусины и отказались от этой затеи. Их начал обуревать страх, что-то непохожее это было на лёгкую прогулку, будто все взаправду. Из-под руки на головах они пытались разглядеть, кто же капитан, где он? Сначала увидели чёрные начищенные сапоги на квартердеке.¹⁰ Затем, ещё чуть приподняв голову, – тёмные штаны, перепоясанные широким поясом, и двумя длинноствольными пистолетами, торчащими за ним. Слева на боку красовалась сабля. Под светло-коричневой курткой, явно с чужого плеча, лёгкая рубашка с повязанным на шее красным галстуком из платка. Даже неопытным глазом было видно, что на этой могучей груди, при всём желании, куртка не сойдётся. На голове широкополая коричневая шляпа. Он был реальным! В правой руке он держал трубку и периодически её посасывал, пуская клубы дыма, а левой облокотился на планишь¹¹ леера, с недоумением разглядывая пришельцев. В шаге позади него стоял, видимо, его помощник в странном одеянии. На ногах, похожие на индейские мокасины, то ли ботинки, то ли сапоги, парусиновые штаны и белая рубашка, а поверх длинный синий сюртук военно-морского офицера непонятного флота, и треуголка на голове. За поясом красовался пистолет и кинжал.

Капитан жестом показал рулевому, стоящему позади него у штурвала, куда направить судно. Этот жест не ускользнул от помощника, он прокричал какую-то команду, и по палубе зашевелились матросы, меняя расположение парусов. Парусник у валился¹² под ветер, крен выравнился. Чуть позже мальчишки узнали, что это была двухмачтовая иххуна¹³. А пока вокруг них собрался, пожалуй, весь экипаж иххуны. Они вдруг осознали, что понимают, о чём говорят члены экипажа, хотя это была смесь разных языков. Ребята растерялись совсем, они походили на испуганных щенков, оторванных от мамы. Но что-то им подсказывало, что в этой ситуации нельзя распускать нюни и размазывать слёзы по щекам, будет только хуже.

– Капитан, отдай их мне! Я из них отбивные на ужин сделаю. – прокричал кок и расхохотался. Его выдавал поварской когда-то белый колпак и фартук. На одной ноге у него был жёлтый мягкий кожаный сапог с завёрнутым голенищем, на другой коричневый ботинок, который при ходьбе издавал стук, будто дерево об дерево. Штаны из парусины и рубашка без рукавов. В руках он держал два больших ножа и временами чиркал один о другой, подтачивая.

⁹ Не водонепроницаемый борт, служащий сплошным ограждением палуб судна, либо другого плавсредства.

¹⁰ Верхняя открытая палуба над кормовой надстройкой (шканцами), служащая капитанским мостиком и местом расположения штурвала и компаса.

¹¹ Перила ограждений, верхняя часть фальшборта.

¹² Кормой к ветру

¹³ Парусник с косыми парусами

Капитан приказал поставить пришельцев на ноги, ещё раз внимательно их осмотрел. От него ускользало, какое решение будет правильным, а показать нерешительность было нельзя. Он вспомнил себя мальчишкой-юнгой и утвердился в своём решении. Чуть повернувшись к помощнику, полувопросительно, хотя скорее, утвердительно сказал:

– А может и к удаче! – и затем коку. – Фернандо, бери их к себе, только не на отбивные, а в помощники. И смотри, чтоб не отлынивали от работы.

– Будет сделано, капитан, – он сложил на груди ножи крест-накрест, у меня не побалуют.

Друзья попытались представиться капитану, объяснить ему, откуда они и как сюда попали, но капитан отмахнулся от них кистью руки, как от мух:

– Меня не интересует, откуда и кто вы. Сейчас не до вас, потом разберёмся. Ты будешь Бамбино (мальчик итал.), – он ткнул пальцем в одного, – а ты Мучачо (мальчик исп.). Всё, свободны!

– Пошли, пошли! Поторапливайся! Не вашего ума дело, капитану перечить, – подталкивал их кок пинками к камбузу, – не доросли ещё.

Экипаж провожал их смехом, разглядывая их одежду. Хотя, кое-кто, испытывая страх от необъяснимого их появления, смеялся угрожающе, но капитану доверяли. Экипаж был разношёрстным как в одежде, так и в национальностях и обстоятельствах, при которых оказался на борту. Всего чуть более десяти персон.

Капитан повернулся к помощнику, тот посмотрел на капитана вопросительно и, получив утвердительный кивок, приказал команде паруса вернуть в прежнее положение, а рулевому ложиться на первоначальный курс. Вскоре шхуна опять накренилась на правый борт и устремилась к месту назначения.

Камбуз находился в носовой надстройке шхуны с правого борта. Надстройка представляла собой чуть приподнятое продолжение полубака и выступающее от фока мачты несколько к корме, напоминающее шкафут. С левого борта располагался кубрик. Посреди камбуза стояла печь, питающаяся углём, а под камбузом, палубой ниже – угольная кладовая.

И потекли будни ребят на шхуне. Пожалуй, не потекли, а каждый день был как подвиг. К вечеру валились с ног, и, казалось, только уснул в своём гамаке, а кок уже тычет кулаком в бок, будит на работу. Обязанностей было хоть отбавляй. Очистить печку, поднять уголь, разжечь печь так, чтобы из трубы и искры не летели, и чтобы камбуз дымом не заполнить до отказа. Почистить овощи, помыть посуду, отдраить все кастрюли и сковородки. Откачать просачивающуюся в трюма воду двуручным насосом, содержать в чистоте камбуз. И другую работу кок быстро найдёт, только попробуй – присядь. Зато сам после обеда всё чаще лежал в своём гамаке тут же на камбузе, приглядывая из него за работой ребят.

Не всё, вернее, почти всё не получалось у ребят поначалу. За каждую оплошность можно было получить подзатыльник или пинка. Но с каждым днём у них получалось все лучше, да и научились уворачиваться от ударов, и усвоили: где и кому можно и огрызнуться. Постепенно и с обязанностями стали управляться лучше.

Кок, он же Фернандо, видел, что ребята не пытаются отлынивать от работы, хоть и не всё у них получалось. Стал относиться к ним благосклоннее и, лёжа в своём гамаке, пока ребята драили посуду, что-нибудь им рассказывал от третьего лица, будто не о себе самом.

Фернандо обладал удивительной способностью: он мог без перерыва часами рассказывать истории. Причём, не успев поставить точку в своём повествовании, вспоминал какие-то дополнительные подробности, зачастую совсем малозначительные, и начинал историю заново, включая теперь и эти подробности в свой рассказ. Он не ограничивался двумя пересказами, мог вполне себе зайти и по третьему кругу, вспомнив ещё что-нибудь.

Работа на камбузе в одиночестве несколько изолировала его от остальных членов экипажа, а с кастрюлями и сковородками особенно не поговоришь. И вдруг, такая удача! Мало

того, что появилось два каких-никаких помощника, так ещё и свободные и благодарные уши. Поэтому его истории ребята знали чуть ли не наизусть.

А историй, казалось, он знал бесконечное множество. Мог подробно рассказать о каждом члене экипажа, при каких обстоятельствах и когда он попал на ихуну.

В первую очередь друзей, конечно, интересовал сам капитан Лаки и история ихуны. И они её узнали в мельчайших подробностях.

На пиратском корабле карьера могла быть стремительной и быстро вознести тебя наверх. Но могла и неожиданно оборваться. Повезло тебе после очередной баталии остаться живым и невредимым, а другому по должности выше – нет, ты занимаешь его место. Конечно, это не всякого касалось, отбор был жёсткий и бескомпромиссный.

Лаки, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, уже опытный моряк и лихой вояка, начал свою «карьеру джентльмена удачи» на пиратском паруснике «Караколи», матросом в бордажной команде. Он был крепкий и сообразительный мальёк, мастерски владел любым оружием. Всегда одним из первых перескакивал на захватываемое судно и бесстрашно «рубился» с его защитниками. Из всех сражений выходил без единой царапины, за что и получил своё прозвище «Лаки», то есть Счастливчик. Но как только бой заканчивался, он под разными предлогами отказывался, если это намечалось, участвовать в казни сдавшегося остатка экипажа захваченного судна. «Не для того я сбежал от палачей, чтоб стать палачом здесь», – поговаривал он. О его прошлом никто ничего не знал, а Лаки на эту тему никогда не распространялся. Хотя, по правде сказать, редко кто интересовался прошлым другого. Не всегда даже настоящие имена знали тех, кто рядом с тобой спит в кубрике. Почти у всех были прозвища по заслугам, не всегда положительным.

Лаки быстро поднимался по служебной лестнице, если её можно так назвать, и вскоре уже был помощником капитана, мог самостоятельно нести вахту на мостике. Экипаж знал о странностях Лаки относительно пленных, знал об этом и капитан.

Не стоит думать, что на пиратском корабле все были добродетельными джентльменами. Судьба по-разному приводила их на корабли, и были такие отбросы общества, для которых человеческая жизнь не стоила и гроша. Одним из них был Трэмп, капитан «Караколы», жестокий и не терпящий возражений изувер. За любую оплошность он мог запросто ударом кулака сломать ребра провинившемуся или выбить зубы. Его боялись и старались без лишней необходимости не попадаться ему на глаза.

Лаки был у капитана на хорошем счету, нареканий к исполнению своих обязанностей не имел, да и храбрости у Лаки не отнять. Капитан, казалось, ему благоволил. Только вот червоточинкой точила его самолюбие странность Лаки.

После очередного захвата торгового судна капитан Трэмп был вне себя от злости. Мало того, что на нём не оказалось ничего ценного, так ещё и экипаж оказал такое отчаянное сопротивление, что к концу схватки в живых осталось только двое, и те изранены. Их перевезли на «Караколу», а судно пустили ко дну. От затопленного судна осталась только небольшая двухвёсельная шлюпка, закреплённая у левого борта «Караколы».

Абордажная команда капитана Трэмпа тоже понесла потери, и он вышагивал по квартердеку с борта на борт, все больше распаляясь от ярости. Там же, чуть в стороне от «маршрута» капитана, находился и Лаки, разгорячённый недавней схваткой, временами слегка подрагивая и постепенно успокаиваясь.

Не зная, на ком сорвать злость, капитан Трэмп подошёл к Лаки, сунул ему в руку пистолет и приказал пристрелить пленников. Лаки отказался стрелять в безоружных людей, вернул пистолет и посоветовал оставить пленников в живых и взять в экипаж взамен выбывших.

Невыполнение приказа капитана на пиратском судне, каким бы он ни был, перед всем экипажем – это преступление, требующее наказания. Будь Лаки простым матросом, он бы

уже сидел связанный рядом с теми двумя бедолагами, и кто-то без признаков совести и сострадания в душе пристрелил бы его без всякого сожаления. Но Лаки был уже в ранге офицера, и наказание должно было соответствовать его положению. Хотя такие условности вряд ли выполнялись.

«Тогда я пристрелю тебя!» – угрожающе и злобно произнёс Трэмп и приставил пистолет к голове Лаки. Лаки побледнел, но стоял прямо, не шелохнувшись, и твёрдым взглядом смотрел в глаза капитану. Трэмп понял, что угроза не действует, сунул пистолет за пояс и одним ударом сбил Лаки с ног. При попытке подняться следовал следующий удар, и тот снова падал на палубу. Так раз за разом, пока Лаки не остался лежать неподвижно. Конечно, Трэмп мог избить Лаки до полусмерти или покалечить, но что-то его удерживало от этого, он и сам не мог понять – что.

«Я тебя всё равно перевоспитаю!» – бормотал Трэмп. Он приказал погрузить в илюпку малый бочонок пороха, ружьё и пистолет, нож и мачете, анкерок¹⁴ пресной воды и продуктов на неделю, котелок с ложкой и несколько бутылок рома.

Лаки уже пришёл в себя; голова гудела как судовой гонг, грудь и бока болели от ударов. Он с трудом встал на ноги и, пошатываясь, наблюдал за происходящим. Осознав, что ему приготовил Трэмп, теперь он начал распаляться яростью. Глаза налились кровью, голова, казалось, вот-вот лопнет от боли. Он уже ждал, что не дал отпор Трэмпу, всё равно перспектива плачевная, а так хоть душу бы отвёл. Но у него не поднималась рука на капитана, каким бы он ни был.

Недалеко виднелся небольшой остров, тот самый, из-за которого на рассвете, как из засады выскочила «Караколи», атакуя проходящее и впоследствии захваченное судно. Он был необитаем и, можно сказать, неприступен. С трёх сторон поднимались отвесные скалы, и только небольшая часть была у уровня воды, но так густо поросшая мангровыми зарослями, что пришлось бы целую экспедицию направлять – прорубать проход к центру. А зачем, если в нескольких милях за ним есть другой, гораздо больше этого и более гостеприимный остров с пресной водой и большим обилием разнообразных животных. А у этого даже на якорь встать невозможно, глубина у самого берега была такая, что ни один якорный канат до дна не доставал. На этот остров и задумал Трэмп высадить Лаки.

Лаки спустился с квартердека на главную палубу и, стараясь не шататься, прошёл к штурмтрапу. Его уважали в экипаже и с сожалением провожали в путь.

Конечно, были и другие в своём ядовитом меньшинстве. Один из них, пытаясь услужить капитану, склонившись через планишь над спускающимся по штурмтрапу Лаки, ехидно заметил: «Ну что, Счастливчик, счастливого тебе...». Договорить он не успел, получив такую затрепину от Трэмп, что отлетел к другому борту. Желание позубоскалить разом пропало у подленького меньшинства.

Лаки спустился в илюпку, сел на вёсла и жестом показал, чтобы отдали конец, удерживающий илюпку у борта «Караколы». Трэмп, перегнувшись через фальшборт, издевательски со злобой произнёс: «Поумнеешь, заберу тебя через полгода, а нет – быть тебе на этом острове королём до конца дней твоих. Хочешь, я тебе королеву из местных туземок привезу?»

Лаки говорить не мог. От ненависти, бессилия и ярости у него kloкотало в груди. Он молча оттолкнулся веслом от борта «Караколы» и с такой силой налёг на вёсла, что казалось, вот-вот и вёсла сломаются от чрезмерного напряжения. «Каракола» тем временем подняла паруса и направилась в противоположную сторону в поисках следующей «добычи».

Лаки понятия не имел, как он высадится на берег, и что его там ждёт. Пока первейшей задачей было добраться до острова. Остальное – потом.

¹⁴ Приплюснутый бочонок для воды объёмом на 12–15 литров.

Приливы и отливы в открытом море не ощущаются и не представляют опасности, а вот в прибрежных водах, проливах и заливах могут сыграть злую шутку. Течение может быть такой силы, что выгрести против него на вёслах, практически невозможно. И унесёт в открытое море, и бросит там на милость Царя морского. Опасался этого и Лаки, приближаясь к острову. Он не знал, в какое время здесь прилив или отлив, какие течения преобладают при этих явлениях. Но выбора не было.

Приблизившись к берегу и следуя вдоль него, Лаки стал искать в мангровых зарослях хоть какой-никакой проход, чтобы попытаться высадиться на берег и шлюпку не потерять. Но тщетно. Эта живая стена не хотела пускать на остров чужака.

Тут Лаки ощутил, что какое-то слабое течение подхватило шлюпку и потянуло её вдоль берега. Оказалось, что начался прилив, и течение, все более ускоряясь, увлекало за собой шлюпку. Лаки пытался остановить шлюпку, хватался за ветки зарослей, но в руках оставались сломанные ветки, а шлюпка уже почти мчалась вдоль берега. «Ну, все! – подумал Лаки. – Сейчас оторвёт от берега и вынесет в открытое море, а там ночь. Гребь, куда хочешь. Утром, может, острова не будет и видно вовсе». Вдруг шлюпка притормозила, развернулась носом к берегу и устремилась в заросли прибрежных кустов. Ветки хлестали Лаки по лицу, царапая и лицо, и руки, прикрывающие голову. Он упал на дно шлюпки, насколько было возможно, прижался к днищу. «Какой ещё сюрприз приготовил этот проклятый остров?» – мелькнуло в голове. Лаки отдался на волю течения. Он ещё не успел осмыслить происходящее, а шлюпка уткнулась во что-то носом, развернулась направо, но кормой вперёд помчалась влево. Не прошло, пожалуй, и минуты, как шлюпка теперь уже кормой упёрлась в берег, развернулась влево и пошла носом вперёд. Заросли расступились, и уже через пару минут течение «выплюнуло» шлюпку во внутреннее озеро острова. Шлюпка по инерции ещё двигалась какое-то время, в конце концов встала почти посреди озера.

Лаки приподнял голову, огляделся и сел. Взору его открылся необычайной красоты мир. «Уж не в раю ли я? За какие такие заслуги?» – вслух подумал он. Ответить было некому, он был здесь один. Лаки сидел ошеломлённый и осматривал окружающие его виды. Озеро со всех сторон было окружено непроходимыми джунглями и прибрежными зарослями, подходившими к самой воде, только в северной части озера виднелся небольшой песчаный пляж. За деревьями с трёх сторон виднелись высокие скалистые горы или возвышенности, и только небольшой участок с южной стороны был этого лишен. Зато, обильно поросший деревьями и кустарниками, не давал возможности увидеть с моря, что находится внутри острова, и есть ли вообще доступ к нему. Это было похоже на жерло гигантского древнего вулкана, который в результате катастрофы то ли ушёл под воду, оставив на поверхности небольшой участок суши, то ли, наоборот, поднялся из глубины. При этом небольшая южная часть его жерла разрушилась до уровня моря, вероятно, в результате извержения. В вулканическом происхождении острова позднее, расчищая вход с моря от зарослей, Лаки убедился, встречая небольшие участки берега с застывшей лавой. За тысячелетия остров обзавёлся собственным плодородным слоем почвы и живностью и стоял так много сотен лет, не тронутый человеческой цивилизацией.

Лаки спохватился: нужно, пока прилив, шлюпку как можно выше затянуть на берег. А то, того и гляди, как затянуло сюда, так отсюда отливом и вытянет. Он сел на вёсла и погреб на противоположный берег.

Уткнувшись носом шлюпки в песчаный берег, Лаки принялся её разгружать, чтобы облегчить её и перенести припасы подальше от берега. День клонился к вечеру, и нужно было поторапливаться. Под бочонком с порохом Лаки обнаружил топор, лопату без черенка, пилу и небольшой кусок парусины. А в носовой части шлюпки были тщательно упакованы в водонепроницаемый пакет спички и рыболовные снасти. Возможно, всё это осталось от прежних владельцев шлюпки. А возможно, кто-то из членов экипажа «Караколы» тайком принёс и

припрятал такие необходимые в этой ситуации для Лаки инструменты, что, скорее всего, было ближе к истине. Кто бы это мог быть – он не знал, но от чьей-то заботы немножко потеплело на душе. Он ухмыльнулся: «Утром боцман проснётся, кинется, а инструмента нет. Влетит кому-то! Хотя, такой инструмент не каждый день нужен. Пронесёт, пожалуй, гнев его мимо».

Разгрузив шлюпку, Лаки, работая вёслами как рычагами, перетянул шлюпку почти до самой кромки леса, перевернул её вверх днищем, подложив под один край бочонок. Так получилось первое временное жилище Лаки.

Он тут же, неподалёку, собирал сухой травы и мха, уложил её под шлюпку и накрыл куском парусины – приготовил вполне приличное лежбище. Спрятал под шлюпку припасы и снабжение и стал готовить хворост и дрова для костра.

Солнце клонилось к закату, хотя его отсюда и не было видно, но тени, отбрасываемые скалами, подсказывали, что вот-вот и стемнеет. Лаки разжёг костёр, сел напротив него, облокотившись спиной о шлюпку, и смотрел на огонь, казалось, ни о чём не думая. Он так устал за этот день и физически, и морально, что ему не хотелось ни есть, ни пить. Он открыл бутылку рома и, понемногу отхлёбывая из неё, «проворачивал» в голове все события сегодняшнего дня, иногда сжимая кулаки и скрежеща зубами. Вскоре усталость, переизбыток впечатлений и ром сделали своё дело, Лаки залез под шлюпку на свою постель и крепко уснул».

– Пожалуй, на сегодня хватит, – услышали ребята отрезвляющий голос Фёдора Ивановича, который вернул их в действительность.

– Ну ещё чуть-чуть, – раздались голоса, – а что дальше было? Как мы узнаем?

– В следующую субботу поработаем немного и продолжим, – твёрдо сказал Фёдор Иванович, – нужно немного поспать, нам ещё домой возвращаться. Уже светает, а вам, тем более, давно спать пора.

Все поднялись на судно, где ложиться спать, ребята знали. В кубрике на откидных койках спали Григорий и Иван Петрович, а мальчишки вповалку завалились на маты. Хотел Фёдор Иванович разбудить Ивана Петровича на подмену, но Александр Иванович отговорил:

– Ты иди отдыхай, а я за вахтенного побуду, на обратном пути отосплюсь.

– Хорошо, только разбуди не позднее восьми часов, – согласился тот.

В девятом часу «Водолаз 3» отошёл от романтического и гостеприимного берега и после обеда встал к своему причалу. Автобус уже ждал, а пацаны ещё спали. Пришлось расталкивать и грозить, что Фернандо идёт. Только тогда все повскакивали быстро и крутили спросонья головами, не понимая, что происходит. Всучили им по бутерброду и кружке горячего чая на дорожку. Как попрощались, как благодарили экипаж судна, как добрались до дома – опускаем.

Следующая неделя тянулась ужасно долго. К субботе подтянулся ещё один мальчишка, ровесник Кирилла и Борьки по имени Артём. Команда клуба юных моряков понемногу пополнялась. Как и в прошлый раз, запаслись картошкой, овощами и прочим. Борька выпросил дома ведро, пришлось рассказать, как он испортил имущество на судне. Автобус отвёз их к причалу, где стоял «Водолаз 3».

Узнав, что сегодня никуда не поедут, у ребят начали вытягиваться лица:

– А как же костёр? А главное – как с продолжением истории про Лаки?

– Мы же собирались поработать? Костёр разведём здесь, и место есть. Сторож наш иногда разводит его, разведём и мы и сторожа пригласим в слушатели. Дело сделаем и «отправимся» к пиратам. Краску и продукты на вас мы получили, Григорий обещал полноценный обед сегодня, а для костра где-то добыл два мешка дров, не признается, где.

– Тогда давайте быстрее начинать, – заторопились ребята.

– Сейчас Петрович определит каждому свой участок работы, раздаст инструменты и проведёт инструктаж, – и уже к Петровичу. – Петрович, как будем нарезать участки?

– Я сам буду определять каждому объём работы как надо, – Петрович, хитро прищурившись, глянул в глаза капитану. – Кто раньше закончит, тех отпущу, а Вы с ними начнёте, кто попозже – подойдут попозже, подключатся по ходу пьесы, ну а кто ещё позже – к середине истории, я думаю, поспеют.

Ну кому ж хотелось пропустить начало? Никогда пацаны ещё так не работали! Обед и тот быстро-быстро проглотали и опять за работу. Петрович ходил по палубе, контролировал, кое-кому подсказывал и показывал, как надо и удовлетворённо хмыкал, пряча улыбку. Примерно после четырнадцати часов начал постепенно отпускать ребят по очереди, «принимая» выполненное задание. Запустили насос, приготовили шланг, раздали мыло и всех по очереди искупали на кормовой палубе.

Экипаж, получив краску, не дожидаясь субботы и ребят, уже успел обработать и покрасить мачту и верхний мостик. Оставалось подкрасить мелкие детали, проверить пропуски, если были, и труднодоступные места в конструкции. Поэтому, Фёдор Иванович и Александр Иванович с небольшими кисточками и баночками с краской, не остались в стороне от работ, «доводили до ума» верхний мостик, беседуя.

– Ну, Фёдор, ты гений! – сказал Александр Иванович. – Мне бив голову никогда не пришло такой стимул к работе придумать. И языком, оказывается, мастак работать. Даже я себя у пиратов ощутил.

– Ой, Александр, не вводи меня в заблуждение. Наслышан я о твоих теоретических занятиях, которые ты по своей инициативе проводишь. Вот и взял с тебя пример. А как повысить производительность труда, это затея Петровича. Я об этом и не подозревал. Нужно ему сказать, чтоб не позагонял пацанов, да не отбил бы охоту к труду, аккуратнее с ними нужно быть.

– Здесь я, пожалуй, с тобой соглашусь. Привить охоту к труду сложно, а отбить – запросто. Попробуй потом начать сызнова, может и не получится.

После ужина все собрались на берегу, развели костёр, расселись вокруг и ждали Фёдора Ивановича с Александром Ивановичем. Сашке, проспавшему первый сеанс, и Артёму коротко рассказали предыдущие события, и что делать к следующим.

Стоит заметить, что и в этот раз, и в последующий Фёдор Иванович прерывал свой рассказ на самом интересном месте, откладывая продолжение на следующую встречу. Ну а мы возьмём это просто на заметку и рассказ прерывать не будем.

– На чём мы остановились? – спросил Фёдор Иванович, усаживаясь у костра.

– Лаки уснул под шлюпкой на берегу, – загалдели мальчишки.

– Ага, вспомнил. Если готовы, то начнём.

Ребята с закрытыми глазами торопливо закивали головами, мол – ну быстрее. Фёдор Иванович оглядел их, улыбнулся и продолжил свою историю про пиратов:

Глава 3

Едва-едва стало светать, Лаки проснулся. Первое, что он увидел, открыв глаза: две забавные мордашки зайцев на расстоянии вытянутой руки, разглядывающие незнакомца и не понимающие, что это за зверь, и что можно от него ждать. Лаки протянул руку, пытаясь погладить ближайшего зайца, но нет – это было чересчур страшно, зайцы быстро ускакали в кусты. Зато сами собой отпали опасения и сомнения: живность не даст помереть с голоду, а раз есть живность – есть и пресная вода, осталось её найти. Добрые вести с раннего утра подстегнули его, придали сил и надежду на благополучный исход в очередном жизненном испытании. Главное – не падать духом!

Первым делом нужно было найти удобное и безопасное место под строительство какого-никакого жилья. Под шлюпкой полгода – перспектива не радостная. Наскоро позавтракав «на сухую» и запив водой, Лаки взял ружьё, мачете и направился к ближайшей стене скалы. Ни дорог, ни тропинок здесь не было, каждый шаг давался с трудом, мачете «работало» без остановки. Только далеко после полудня удалось добраться до скалы, но обследовать её уже не было времени. Помимо жилища теперь необходимо было заботиться и о пропитании, привезённые запасы закончатся быстро, и оглянуться не успеешь.

В конце концов Лаки подобрал удобное место для жилья. В этом месте скала нависала над небольшой площадкой в виде козырька шириной метра три, на высоте чуть меньше двух метров. Для Лаки с его ростом было маловато, но не плясать же ему там, а переночевать – вполне приемлемо. Зато в скале имелось небольшое углубление, куда можно спрятать припасы и имущество. Крыша есть, природа об этом позаботилась, осталось поставить стены. Да и фраза «небольшой площадкой» не отражает размеры – небольшой относительно чего? В длину козырёк был метров десять, а то и больше. Для жилища Лаки столько не надо было, трети или четвертинки хватало вполне, разве он мог предполагать, что жильцов будет гораздо больше. Оставалось место и для костра, а впоследствии для сложенной из камней на его месте печи. Козырёк рассеивал дым от костра, и его не было видно даже с небольшого расстояния.

Лаки расчистил площадку и часть прилегающего леса от кустов и деревьев, подходящие стволы деревьев пустил на возведение стен. Перенёс всё своё имущество, а шлюпку затащил глубже в кусты, привязав к ближайшему дереву – на всякий случай. Теперь он мог ночевать пока просто под скалой на толстой многослойной циновке, сплетённой из листьев и веток местных растений. Строительство приходилось чередовать с охотой и рыбной ловлей, но в зверей он не стрелял, берёг заряды, обходился различными силками и самодельными капканами. В изобилии водились зайцы, другие мелкие грызуны, неизвестная порода небольших свиней, встречались и козы. Скалы облюбовали птицы, которые «снабжали» Лаки яйцами, иногда и сами становились обедом или ужином. Обильная растительность на десерт предлагала различные сладкие плоды. Даже табак рос. Казалось бы, чего ещё от жизни желать.

Но это не прельщало Лаки, больше всего его влекла северная вершина скалы, откуда можно было увидеть ближайший остров и оценить возможность – как на него попасть. На тот остров довольно часто заходили различные суда, и была надежда попасть на одно из них либо в качестве пассажира, либо как члена экипажа. Он, в поисках пути на вершину скалы, пробирался вдоль её основания, иногда протискиваясь между кустами, но чаще, приходилось применять мачете.

Источник пресной воды он нашёл быстро, она сочилась по расщелинам скалы совсем рядом от его жилища, а куда стекала, в какой водоём, Лаки не обнаружил. Нужно было поразмыслить, как все эти тонюсенькие струйки собрать воедино и направить в небольшой будущий колодец. Другая проблема была в том, что ему её некуда было собирать: из пустой посуды

– только бутылка из-под выпитого рома, да котелок. Конечно, он поддерживал анкерок с пресной водой полным, а это примерно пятнадцать литров, но уж очень много времени уходило на сбор воды.

Поиски давали свои плоды, но не те, на которые рассчитывал Лаки. Он обнаружил три пещеры у самого основания скалы. Две из них были неглубокие и вполне пригодные для обустройства жилья, третья – гораздо больше с боковыми ответвлениями и большими залами. Но ему нравилось первоначально выбранное место. Оттуда, если немного отойти от жилища и примоститься на определенный камень, в просвет между вершинами деревьев целиком просматривалось озеро. По вечерам он частенько просиживал дотемна на этом камне, покуривая трубку, которая, к счастью, осталась в кармане итанов при изгнании его с «Караколы». Жилье, возводимое собственными руками, он не хотел бросать. В конце концов, зачем опять превращаться в пещерного человека? Крупных хищников он здесь не встречал. Что могло ему здесь угрожать в его жилище. Да и ружьё, на худой конец, имеется.

А вот вход в четвертую пещеру он обнаружил случайно, при этом чуть не погиб сам. По одной из расщелин в скале, слегка расширяющейся к вершине и с чернеющим под ногами проёмом в преисподнюю, он попытался, опираясь на обе её стороны одновременно, подняться к вершине. Не успел он высоко подняться, как соскользнула нога. И лететь бы ему в эту щель под землю, неизвестно, до какой глубины, но ремень ружья зацепился за небольшой уступ и на мгновение остановил его падение. Этого мгновения Лаки хватило, чтобы вновь найти точки опоры на сторонах расщелины и прекратить свой полет. Он отдышался и огляделся, и только тут заметил небольшой лаз, вероятно вход в пещеру, на одной из стен расщелины, на который до этого не обратил внимания. Да, это была пещера, как позже Лаки выяснил, обследуя её. Не очень глубокая, имеющая несколько небольших залов, но главное – искусно замаскированная природой на высоте примерно трёх метров.

Первая мысль, которая мелькнула в голове у него, когда он обнаружил лаз: «Идеальное место для хранения добычи». От этой мысли у него испортилось настроение. Он аккуратно спустился, пометил это место, нацарапав на стене скалы знак, понятный одному ему, и решил закончить «на сегодня» поиски. Настроение у Лаки испортилось не оттого, что он чуть не погиб. Он видел достаточно смертей вокруг себя, да и свою жизнь не очень высоко ценил, не прятался за спинами товарищей в сражениях. Настроение испортилось оттого, что первая мысль была о добыче, и пират, «засевший» в нём, не хочет с ним прощаться.

Он пробирался к своему жилищу и по пути ругался сам с собой. Один Лаки твердил:

– А что ты ещё умеешь? С детства на флоте. Только морское и военное дело и знаешь.

– Объясни мне, ради чего рискуем жизнью? Будто она не одна, – возражал ему другой, – в любой момент можешь стать нищим, доля моя осталась на «Караколе».

– Ничего, ты ещё молодой, наверстаешь! И без риска не обойдёшься.

– Я бы предпочёл зарабатывать, а не грабить.

– Ты уже пробовал, теперь скрываешься от властей. Виселица ещё ждёт тебя.

– Да, уж. Куда ни кинь – везде несправедливость, разбой и бойня. Попадёшь на испанский корабль – будешь биться с пиратами, а то и с военным кораблём, защищая чужое золото, награбленное у индейцев. Попадёшь на другую сторону – будешь грабить купцов, отбирая золото, награбленное у индейцев.

– Вот! Сам видишь этот круговорот. Из него – никуда.

– Должен быть выход. Иначе прикончит в каком-нибудь бою шальная пуля, не успеешь и подумать – для чего ты жил.

– И здесь оставаться – не выход. Одичаешь до зверя.

– С этим я согласен. Была бы здесь дружная компания с семьями и детишками, тогда другое дело. Несколько лет, пожалуй, можно было пожить. А так...

С такими мыслями вернулся Лаки домой. Открыл вторую бутылку рома, немного отхлебнул, опять закупорил и убрал бутылку с глаз долой. Набил трубку табаком и долго сидел на своём камне, глядя на озеро и вспоминая себя пятнадцатилетнего. Как юнгой на каботажном судне ходил между портами Англии. Как однажды стал невольным свидетелем убийства в одном из портов и, будучи честным малым, дождался констебля, но вместо свидетеля превратился в убийцу. Настоящий убийца оказался «уважаемым» человеком с толстым кошельком, указал на него – мальчишку, на суде свидетельствовал без всякого угрызения совести, призывал без промедления казнить кровожадного зверя, невзирая на возраст. Утверждал, что из этого чудовища уже не вырастет добропорядочный гражданин. И ждала Лаки петля на шее, но воспользовавшись оплошностью охранника, он улизнул от него. Тайком пробрался на судно, идущее в Европу, и покинул навсегда свою не ласковую Родину. С тяжёлыми нерадостными воспоминаниями и чувством безысходности он уснул.

На рассвете Лаки проснулся от звуков канонады. Он не поверил вначале своим ушам, но звуки выстрелов корабельных пушек были отчётливо слышны где-то недалеко. Он в возбуждении вскочил. «Кто бы это мог быть? Что происходит?» – вертелось в голове. Эх, сейчас бы с вершины глянуть. Но дорогу туда он пока не нашёл. Решил попробовать через заросли «пробиться» к морю с южной стороны.

Лаки торопливо сунул в дорожную сумку, сшитую из заячьих шкурок, пару вяленых рыбёшек и бутылку с водой, схватил вёсла, ружьё и мачете и поспешил на берег озера. Отлив уже закончился, и шлюпку пришлось толкать к воде, довольно далеко. «Нужно небольшой канал прокопать», – подумал он, – иначе уйма времени уходит на перемещение шлюпки». Хоть и не первый месяц он здесь жил, но одной пары рук на всё не хватало. Зато он уже знал, когда приливы сизигийные по дням и часам, до какого максимального уровня поднимается и опускается вода, а когда наступает квадратура.¹⁵ Столкнув шлюпку на воду, он погреб к входному фарватеру, по которому приливное течение его сюда забросило, не опасаясь, что шлюпку вынесет в море.

Берег на другой стороне озера при отливе оголился небольшой полоской, стоя на ногах сподручнее было рубить заросли. Раздался взрыв, и стрельба внезапно прекратилась. И сколько Лаки не прислушивался, других звуков слышно не было. Он принялся ожесточённо рубить кустарники, боясь опоздать что-либо увидеть. Наверное, в сражениях он не махал так часто саблей, как сейчас, воюя с зарослями. Лаки не предполагал, что так трудно будет прорубать проход к морю. Он уже начал выбиваться из сил, а пройдено было не больше четверти пути, а может и того меньше. День перевалил за полдень, начался прилив. Он вернулся на берег к шлюпке, чтоб её перезакрепить, заодно и подкрепиться. Присел на банку шлюпки и принялся грызть рыбу, запивая водой. Не ахти какая вкуснятина, но у него сутра ничего не было во рту, поэтому он быстро разделался с рыбой и сидел, безучастно глядя на воду.

Ему было понятно, что дотемна он не успеет пробиться через заросли к морю, а ночевать здесь без еды и воды ему не хотелось. Нужно было возвращаться. Уровень воды поднимался, и шлюпка уже всплыла. Осталось воспользоваться приливным течением, чтоб хоть полпути с его помощью пройти. Русло входного канала было совсем рядом от него, и было видно, как течение заносит в озеро ветки, листья, водоросли и всякую всячину, то отдельно, то перемешанные в морской пене в один плавающий ком. Следом показалось небольшого диаметра бревно, а может ствол молодого дерева. Бревно, попав в озеро, не поплыло вслед за мусором по течению к его середине, а почти сразу остановилось и начало разворачиваться. Лаки рассеянно за этим наблюдал, не придавая этому значения. Как вдруг догадка заставила его в волнении вскочить на ноги, он чуть не перевернул шлюпку. Нет, это не просто бревно,

¹⁵ При положении Солнца, Земли и Луны (или С-Л-З) на прямой линии, или близко к этому – сизигия, наибольшие приливы и отливы. Когда Солнце Земля и Луна в положении, близкому прямому углу – квадратура.

это корабельная рея¹⁶, и её что-то держит. До неё было рукой подать, и через два-три гребка вёслами Лаки уже держался за рею. От неё, действительно, уходил канат в сторону входного канала и удерживал её, вероятно, за что-то зацепившись. Перебирая в возбуждении канат руками и борясь с течением, Лаки начал подтягиваться вместе со шлюпкой к выходу по руслу канала. На последнем повороте остаток чьей-то мачты из-за своей длины не успел вывернуться на повороте и упёрся концом в берег, расклинившись поперёк канала. Совсем небольшой выступ удерживал мачту в этом положении.

Лаки схватил мачете и принялся рубить оконечность мачты, упиравшуюся в берег. Перерубить он её не успел, от ударов она соскочила с уступа и, увлекая за собой шлюпку с Лаки, заплыла в озеро. Только тут Лаки заметил привязанного к мачте незнакомца. Он лежал на мачте лицом вниз с опущенными в воду руками и ногами. Это было место крепления стеньги¹⁷ к остатку основной мачты. Это обстоятельство не позволило вращаться стеньге вокруг своей оси и погрузить незнакомца под воду. Разбираться, жив или нет незнакомец, не было времени, да и вряд ли он мог чем-то помочь в этой ситуации. Лаки взял на буксир этот своеобразный караван и погреб к своему причалу. Высадившись на берег, он на скорую руку закрепил шлюпку и частично вытянутые на берег рею и стеньгу и занялся незнакомцем. Лаки вытянул его на берег и перевернул на спину. Пульс пробивался, но тот был без сознания. У него отсутствовала правая ступня, нога была перетянута ремнём, но кровь чуть-чуть сочилась, да и морская вода была не на пользу ране. Незнакомец был по пояс обнажённым, в правой руке сжимал кинжал, который Лаки с трудом отобрал у него. Взяв на плечи, Лаки понёс его в гору к своему жилищу.

Там он уложил незнакомца на свою постель, отрезал от своей рубахи рукав и распустил его на полосы. Пресной водой обмыл рану, плотно перебинтовал и слегка ослабил ремень, перетягивающий ногу. Затем развёл огонь в печи, поставил на него котелок с водой и частью тушки кролика, чтоб сварить бульон незнакомцу. Хотя и сам голодный, можно сказать, супра. Пока готовился бульон, Лаки спустился к озеру, надёжнее закрепил шлюпку и остатки рангоута¹⁸ с чужого парусника, забрал вёсла и вернулся к дому. Он попытался напоить незнакомца из бутылки водой, слегка приподняв его за плечи, но ничего не получалось. Хлопал его по щекам, пытаясь привести в чувство, голова от ударов моталась туда-сюда, ничего не помогало.

Постепенно смеркалось. У Лаки на этот случай были припасены порядка двух десятков факелов, изготовленных из определенного вида мха, обёрнутого листьями. Они хоть и давали мало света и нещадно коптели, но горели сравнительно долго, да и другого источника света у него не было. Пришло время их испытать в деле.

Бульон к тому времени был готов, и слегка остудив его, Лаки попытался с ложки напоить им незнакомца, стараясь другой рукой разжать челюсти. Промаявшись какое-то время, он устало пробурчал: «Ну, как хочешь, лежи голодный». Достал из котелка мясо кролика и принялся его уплетать, а котелок с бульоном отставил в сторону до утра, прикрыв листом. Покончив с кроликом, он присел у изголовья незнакомца и, обессиленный, задремал.

Ночью незнакомец разбудил Лаки. Он метался по постели, то выкрикивал какие-то команды, то что-то бурча, вскакивал, пытаясь куда-то бежать. Лаки с трудом укладывал его на место. Незнакомец тоже оказался не из слабого десятка, судя по застарелым шрамам на груди и спине от ножевых или сабельных ран – и не из робкого десятка. «Боец! – с уважением подумал Лаки. – Кто ж ты такой?»

¹⁶ Горизонтальная балка, прикрепляемая своей серединой к мачте и служащая для несения прямых парусов

¹⁷ В целях увеличения длины основного ствола мачты, в верхней части мачта наращивается дополнительным отрезком

¹⁸ Совокупность надпалубных изделий и устройств, предназначенных для несения парусов (мачты, реи и пр.).

Ближе к утру незнакомец уgomонился. Лаки тоже крепко заснул, всё так же сидя у его изголовья. Когда Лаки проснулся, солнце было уже высоко. На сегодня все дела были отменены. Нужно было пополнить запасы пресной воды, поменять повязку на ноге незнакомца, она всё же покраснела от крови. Пришлось отрезать второй рукав.

На непредвиденный случай у Лаки было припасено немного солонины, из свинины. Этот случай настал, и он воспользовался своими запасами. Позавтракав или уже пообедав, Лаки опять принялся за незнакомца. Вода, бульон, похлопывание по щекам – все без толку. Солнце давно перевалило за полдень. Умаявшись от бессилия, он открыл начатую бутылку рома и отхлебнул глоток. Потом приподнял голову незнакомца и влил ему в рот немного рома. Тот ром сглотнул, закашлялся и то ли застонал, то ли зарычал, и открыл глаза. «Вот, оказывается какое тебе лекарство надо было», – Лаки усмехнулся.

Незнакомец водил глазами по потолку и стенам жилища, не понимая, где он. Попытался поднять голову, но она опять упала на подушку. Слишком был слаб.

– Я ещё живой? Где я? – спросил незнакомец на испанском.

– Теперь, похоже, да. И ты у меня в гостях, – ответил ему Лаки на английском.

– Никто, вроде, в гости меня не приглашал. Но раз я в гостях, дай ещё глоток, а то болит – сил нет. – попросил он у Лаки.

– Я тебя встретил в море верхом на мачте и пригласил погостить. – ответил ему Лаки, протягивая бутылку. Приподнял ему голову, подложив под неё и спину пук травы и мха.

Они разговаривали на разных языках, но прекрасно понимали друг друга. В этих краях многие могли объясниться на разных языках, это было иной раз жизненно необходимо.

Незнакомец сделал пару глотков, вопросительно глянул на Лаки и, получив положительный ответ в виде чуть заметного кивка, осушил бутылку до дна.

– Давай знакомиться, – проговорил Лаки, – меня до недавнего времени звали Лаки, но что-то подсказывает мне, не оправдал я своего имени. Сижусь один на этом острове, не знаю, чего ждать. А с вами что случилось?

– Зови меня Фернандо, – ответил уже не незнакомец и продолжил, – вышли мы из Тринидада на Испанию с обычным в этих местах грузом. Отошли в сторону от проторённых путей с надеждой избежать встречи с пиратами. Ветер дул попутный, все было вначале неплохо. Вскоре нас начал нагонять чей-то, судя по прямым парусам, галеон¹⁹. Разве уйдёшь от него с косыми парусами при попутном ветре?

– Да, – согласился Лаки, – с косыми только против ветра можно от него улизнуть, против ветра он не ходок и не поворотлив.

– Мы особо не придали значения. Ну идёт себе, и идёт по своим делам. Тем более нам никаких сигналов не подавал, флага не было видно. Тут дирик-фал заело в блоке на фокке, я полез освобождать. А он поравнялся с нами, поднял британский флаг, открыл разом все крышки пушечных портов и из восьми стволов залпом влил. Первым же выстрелом у меня под ногами перебило фок-мачту, а заодно и мою ногу отсекло не знаю, чем. Может, щепой, а может, ещё чем. Ну я в обнимку с мачтой полетел за борт. Успел только перетянуть ногу ремнём, пообрезать все снасти, связывающие меня с судном, да прихватить себя к мачте. На этом и отключился.

– Не попытались груз забрать? Странно. И под британским флагом, говоришь?

– Да, я отчётливо сверху видел. Никакой не весёлый роджер²⁰, а британский. Сам не пойму, почему. Может, некуда было, прилично загружен и притоплен был, а может абордажная команда слабовата. Пусть бы только сунулись, мы бы им чертей показали. Хотя, может и сунулись, я ж уже не видел ничего.

¹⁹ Военно-транспортное многопалубное многомачтовое парусное судно с усиленным вооружением

²⁰ Черный пиратский флаг с изображением смеющегося черепа и двумя перекрещенными костями под ним

– Ладно, потом договорим, времени будет достаточно. А пока тебе надо подкрепиться, вот бульон с ночи тебя ждёт, – он протянул Фернандо котелок.

Тот через край небольшими глотками выпил бульон и уже вскоре начал засыпать. А Лаки поспешил проверить силки, и в ближайшем обнаружил зайца. На ужин планировалось жаркое из зайчатины и наваристый бульон. Но ужинать ему пришлось одному. Фернандо крепко спал и проспал до следующего утра. На рассвете он проснулся, замычал и застонал негромко. Спросил у проснувшегося Лаки, нет ли чего в рот закинуть, а то, вроде как, проголодался.

– Хорошая новость та, что ты есть хочешь, – проговорил Лаки, протягивая ему котелок с бульоном и куски обжаренной на раскалённых камнях печи пластами нарезанной зайчатины. – А плохая в том, что я не знаю, чем и как лечить твою ногу.

– С этим я попробую тебе помочь, видел у индейцев. Принеси мне листья растения (он произнёс трудновыговариваемое название), я покажу, что с ними делать.

– Где и как я тебе их найду, если в глаза никогда не видел. А название я уже забыл. Вот табак помню, у меня небольшая плантация на полянке имеется. Хорошо, что он зайцам да кабанам не по вкусу, а то оставили бы меня без курева. Ты хоть опиши, как выглядит твоё растение.

– Проще некуда. Высотой до метра, редко, когда выше. Округлой формы, как шар. А листья вот такого размера (он показал пальцами окружность), мясистые. Принеси все, которые похожи, я укажу на нужные. И если не сложно, прихвати несколько листьев табака, я хоть сигарки себе поскручиваю, видел, как их делают.

Фернандо, пока разговаривали, покончил с едой и попытался руками переместить немного ногу в другое положение. Замычал, скрежеща зубами и вопросительно глянул на Лаки. Лаки взгляд уловил и ответил:

– Послушай, запасы рома не бесконечны. И это не лекарство. Дай мне слово, что хлебнёшь глоток или два, когда будет совсем невозможно.

– Обещаю! – твёрдо сказал Фернандо, прямо глядя ему в глаза.

Лаки передал ему следующую бутылку рома. Фернандо, не открывая, поставил её у изголовья, терпеливо перенося ноющую и, временами, неожиданно стреляющую боль.

– Одеть бы тебя, – задумчиво сказал Лаки, – отдал бы куртку, да без рукавов по колючим кустам не слишком комфортно. Бери рубашку пока, потом придумаем.

Фернандо стал отказываться, что и так ему неплохо, но Лаки настоял. Снял и отдал ему свою рубашку, а парусиновую куртку одел на голое тело.

– Тебе помочь? Или сам справишься? – спросил он и, указывая на шрамы по телу добавил. – А это откуда?

– Обычная жизнь простого матроса, – отмахнулся Фернандо, – чуть отдохну, сам оденусь. Иди уже. Сапог только жалко.

– Какой ещё сапог?

– Тот, который я вместе с ногой потерял. Как я теперь в одном? – хмыкнул он.

– Нашёл, о чём жалеть, – буркнул Лаки и отправился на поиски лечебного чудо-кустарника.

Он лазил по кустам, выходил на небольшие полянки среди джунглей, ползал на четвереньках, распуская и зайцев, и поросят. Все листья, которые хоть как-то походили под описание, срывал, иногда обнюхивал и складывал в свою сумку. Сумка постепенно наполнялась, оставалось ещё немного места, и можно было на первый раз поиски прекратить, и возвращаться домой. И тут Лаки услышал совсем рядом какой-то писк, переходящий в слабое обиженное несформировавшееся рычание. Он раздвинул кусты и увидел большую кошку, лежащую неподвижно. Рядом задушенные молодая свинка и кабанчик. А вокруг кошки ещё толком не ходил, но уже и не ползал котёнок, пытаясь разбудить мамку, обиженно подавал голос.

«Ягуар, что ли? – подумал Лаки. – Откуда ты здесь? А где папаня?» Он огляделся, чтобы из-за спины вдруг не напал самец, защищая свою семью. Но, судя по всему, его здесь не было, иначе проявился бы раньше. Видимо, самка напала на молодую свинку и задушила её, а кабанчик с этим не согласился и напал на неё сзади и сбоку, распорол ей клыками брюхо. В пылу борьбы кошка и кабанчика придушила, но рана оказалась несовместимой с жизнью, здесь её по следам и нашёл котёнок.

«Бедняга, иди ко мне!» – проговорил Лаки, протягивая руки к котёнку, пытаясь его взять. Но котёнок встал перед мамкой на её защиту, зашипел с признаками рычания в голосе и ударил Лаки лапой по руке, поцарапав её.

«Э-э-э, приятель! Так дело не пойдёт. Один ты здесь погибнешь», – разговаривал Лаки с котёнком. Он снял куртку, накинул её на котёнка, плотно обмотал и взял на руки. Тот какое-то время шебурился, пищал и пытался рычать. Потом затих, и Лаки принёс его к своему жилищу.

– Смотри, кого я тебе принёс, – обратился Лаки к Фернандо, – котёнок Ягуара.

Он посадил котёнка на грудь лежащего Фернандо. Фернандо чуть приподнялся и передвинулся повыше на подушках. Котёнок дрожал всем телом, озираясь и уже не пытался рычать, а жалобно пищал. Только раз у него вырвалось что-то похожее на: «Кларк». Фернандо положил на него руки успокаивая:

– Кларк, значит Кларк! Вот и познакомились, – сказал он.

– Почему Кларк? – спросил Лаки.

– Он сам сказал, – ответил Фернандо, – это не ягуар, это оцелот. Отрежь мне кусочек мяса.

Он взял кусочек мяса и поднёс его к морде Кларка, тот жадно схватил мясо и, пытаясь проглотить целиком, подавился. Он начал задыхаться, глаза закатились.

«Так нельзя, дружок, – продолжал с ним разговаривать Фернандо, – кто у тебя отнимает?» Он одной рукой разжал пасть котёнка, а другой достал из неё злополучный кусочек мяса. Не брезгуя, засунул его себе в рот, разжёвывал и откусывая маленькие кусочки, скормливал их котёнку. Тот жадно их глотал, видимо не умея жевать, дрожа, лез в рот Фернандо, царапая ему грудь. И если бы Фернандо не удерживал его руками, быть бы поцарапанным и его лицу. На десерт ему скормили пару сырых яиц, и Кларк, насытившись и пригревшись на груди Фернандо, уснул. Вскоре он сам научился жевать, но спал или на груди, или рядом с Фернандо, оставляя его, чтоб сбегать напиться. Рос он быстро, превращаясь в красавца оцелота. Инстинкт давал о себе знать, Кларк научился охотиться на мелких ящериц и грызунов, чуть погода поглядывал и на молодых зайчат, но ещё опасался на них нападать.

Ну а пока, возвращаясь назад, нужно вылечить ногу Фернандо.

После того, как Кларк уснул, Лаки вывалил перед Фернандо все листья из сумки, которые ему удалось собрать. А тот принялся их перебирать и отбрасывать в сторону. Гербарий уже начал заканчиваться, пока Фернандо не обнаружил то, что ему надо. Он отложил их отдельно, один лист засунул в рот и, чуть поморщившись, принялся жевать.

«Нужно разжёванную кашку приложить к ране, за неделю затянет, – сказал он Лаки, протягивая ему один листок, – не поверил бы, но лично сам видел». Лаки положил листок в рот и начал жевать. Он подскочил как ужасенный, ударившись головой о потолок жилища, отплёвываясь и схватив бутылку с водой, выскочил на площадку перед домом. Вкус горечи хины, алоэ или ещё чего покруче пытался вывернуть Лаки наизнанку, не помогала и вода. Он с трудом совладал с собой и с красными глазами, весь потный вернулся к Фернандо и устался на него. Тот глянул на него, хмыкнул и продолжил невозмутимо разжёвывать листья, а кашку укладывать на приготовленный бинт. Бинты из рукавов приходилось отмачивать и застирывать, но при отсутствии мыла и достаточного количества пресной воды – дело оказалось непростым. Однако, перевязки делали регулярно по мере необходимости.

Забинтовали ногу с кашицей чудо-растения. Фернандо был прав, вскоре рана стала затягиваться. Кларк каким-то чутьём знал о больном месте Фернандо и, в попытке помочь своему покровителю, при перевязках зализывал своим детским, но уже шершавым языком рану. Фернандо морицился от боли, улыбался и поглаживал питомца, не запрещая ему «лечить» себя. К концу второй недели он уже пытался вставать. Выпросил у Лаки костыль из крепкой палки и всю тренировался у дома. Немного погодя уже спускался к озеру. А однажды, вернувшись после ежедневных дел и обходов, Лаки застал его за изготовлением какой-то вещицы из куска древесины от выловленной мачты. Корабельная древесина была плотная, поддавалась с трудом, но Фернандо настойчиво её кромсал своим ножом. На вопрос, что он делает? Ответил, что неприлично перед людьми ходить босиком, поэтому он делает себе обувь. И действительно, дня через три изделие уже отдалённо напоминало ботинок. А ещё примерно через неделю работа была закончена. Ботинок выглядел как настоящий, щеголеватый, окрашенный соком какого-то растения в коричневый цвет. В нём было выдолблено «гнездо» под культю с мягкой подушечкой из заячьих ишурок. Из них же были изготовлены ремни, прикреплённые к ботинку, другие концы которых особым образом фиксировались на ноге, плотно удерживая ботинок в нужном положении. Но рана ещё не зажила окончательно, и ботинок, подвешенный на стене жилища, ждал своего часа.

Между тем, повседневной работе, казалось, не будет ни конца, ни края. Голова кругом идёт, не знаешь, которую из них описывать в первую очередь. А каково Лаки? Ему эту работу нужно было выполнять. Фернандо взял на себя обязанности повара, пока выздоравливал, прилично разгрузив Лаки и освободив его для других работ. Был выкопан небольшой канал, позволяющий даже при малой воде легко прятать илюпку в кустах и крепить к дереву. Пришлось расширять площадь жилища для двоих, рубить и ставить большие стоек в стены. Рею и стеньгу Лаки перетянул ближе к дому. С реи срезали остатки паруса и все обрывки различных концов. Фернандо извлекал из них различные металлические изделия: хомуты, рымы и скобы, нагель²¹ подвернулся и прочее. Долго мучились с колодезцем у дома, долбили его в скальном грунте нагелем и топором, используя его в качестве молота. В конце концов выдолбили глубиной метра на полтора и размерами примерно метр на метр. Глиной позмазывали трещины в стенах и дне, и перенаправили струйки воды, бежущие по расщелинам скалы, в свой колодез. Не быстро, но он наполнился. Даже зверье стало приходить как на водопой. Правда, позже, когда подрос, Кларк не очень-то позволял им пользоваться колодезцем. Но вода потом переливалась через край колодца, промыла себе небольшое русло и стекала ниже в заросли, образовав там небольшое озерко.

По вечерам после ужина Фернандо заваривал душистый успокаивающий чай, в отличие от утреннего – тонизирующего. Откуда он так хорошо знал местную флору и фауну? Хоть и был временами через край словоохотлив, про это умалчивал. Иногда Лаки в шутку называл его индейским колдуном, а тот в ответ чуть грустно улыбался. Много позже Лаки узнал, что Фернандо прибыл в Америку на испанском торговом судне, сбежал с него и примкнул к остаткам какого-то индейского племени, ведущего борьбу с колонизаторами, точнее, грабителями. Силы были неравные, в конце концов, воины племени потерпели поражение. Фернандо чудом остался жив, он весь израненный лежал без сознания, и солдаты посчитали его убитым, не тронули, оставив валяться в джунглях, даже не думая предать тело земле. Его подобрала индейцы и перенесли в труднодоступные горные поселения. Там его долго выхаживал индейский жрец, а может, лекарь, отпаивая отварами и настояками различных трав, смазывал раны по мере заживления разными мазями. Фернандо почти год прожил в племени. Встав на ноги, помогал жрецу в его врачевании других раненых воинов и больных, запоминал травы,

²¹ Конусообразный гвоздь с квадратным сечением, длиной от 20 см и более.

как готовить настойки и методы лечения некоторых болезней, пока и сам не восстановился полностью.

Однажды его позвали к возюдо. Возюд сказал ему примерно следующее: Фернандо оказал большую помощь его племени, и племя этого никогда не забудет. Но сейчас у племени нет сил бороться с захватчиками. Лучшие воины погибли, и скоро люди в железных одеждах доберутся сюда. Оставаться ему здесь – смертельно опасно. И что не для него жизнь в племени, лучше ему вернуться в «свою жизнь».

Он дал ему проводника, и тот тайными тропами проводил Фернандо до порта, где бойко шла погрузка на суда награбленного. Он без труда и лишних расспросов был взят матросом на одно из них. Успел всего лишь несколько дней пожить «своей жизнью», как оказался здесь, на острове и не совсем целым.

Взаимоотношения у Лаки и Фернандо сложились своеобразные. Фернандо в силу своего характера не рассыпался в благодарностях за своё спасение и лечение, но пара фраз, жест и взгляд иной раз говорили больше. Он был готов горой встать на защиту Лаки и отдать за него жизнь, если потребуется. Лаки, в свою очередь, никогда не упоминал, что спас Фернандо и долго ухаживал за ним. Будто они вместе волею судеб оказались на этом острове одновременно.

Но вернёмся к чаю, а то сильно отклонились от последовательного течения событий.

По вечерам после ужина Фернандо заваривал душистый успокаивающий чай. Лаки набивал трубку табаком, Фернандо раскуривал сигарку. Они устраивались на «крылечке» дома и, отхлёбывая чай и попыхивая табачком, могли долго беседовать и обсуждать какие-нибудь хозяйственные проблемы и планы. Своё «слово» временами пытался вставить Кларк, бурча недовольно прорезающимся баском, если на него долго не обращали внимания. Кстати, с появлением Кларка перестали донимать мыши, ящерицы и другие любопытные зверушки.

Лаки коротко поведал свою историю появления на острове и посетовал, что до сих пор не смог взобраться на самую высокую вершину острова. И про своё желание переплыть на другой остров, и сесть на какое-нибудь судно, чтоб не возвращаться на «Караколу» под капитана Трэмна.

– Зачем тебе самый высокий? – спросил Фернандо. – С другого тоже видно будет тот остров. Попробуй, пойдёшь от дома в другую сторону.

– Я пробовал в другую, – Лаки рассмеялся, – и теперь у меня причина надуманная, чтоб туда не ходить.

– И какая такая веская причина может быть?

– Пошёл как-то, тут совсем близко, и споткнулся на маленьком бассейне. Размером где-то полтора на два метра, почти с идеальными сторонами и глубиной менее, чем по щиколотку. Ни трещинки, гладкая скальная поверхность. Встал я перед ним и смотрю на него, как баран. Чувствую, нужен он мне, а зачем – не пойму. Так и не пошёл дальше, вернулся. И только вечером, когда хотел подсолить своё варево, обнаружил, что соль на исходе. Вот тут-то меня и осенило. На другой день пошёл, обрубил все ветки вокруг него, чтоб солнцу не мешали, тщательно вычистил бассейн и натаскал из озера морской воды. Солнце свою работу сделало, выпарило воду, а мне осталось всего-навсего со шкрябать соль с дна бассейна и залить его снова водой. Вот и придумал причину: в соляные копи ногой не наступишь, а обойти, вроде как, невозможно.

– Действительно, причина веская, – поддержал иронию Фернандо.

– Да, остров я увижу и с малой вершины, но неизвестно, в какую сторону понесёт отлив, а на шлюпке не очень-то выгребешь. Унесёт в открытое море, и жди, заметят-не заметят. Думаю, бросить при отливе несколько кусков ствола дерева и понаблюдать, куда понесёт. А с малой вершины и обзор малый.

– У нас есть рея, сделаем лестницу на одной ноге. Поднимешься выше, может, там и найдёшь путь к вершине, а я подстрахую. Но пока я не ходонок, а на вёслах мне и одной ноги хватит. Давай расчищать вход с моря, а то не уплывут наши посланцы, застрянут.

– Пожалуй, так и сделаем, – согласился Лаки.

И уже на следующий день приступили к выполнению задуманного. В перерыве между приливом и отливом на шлюпке добрались до канала. На носу сидел Кларк вперёдсмотрящим, Фернандо сидел на вёслах, удерживая шлюпку на месте, а Лаки, стоя в кормовой части шлюпки, рубил то топором, то мачете прибрежные заросли, которые местами полностью перекрывали канал, переплетаясь с кустами с противоположного берега.

С первыми ударами топора из зарослей вылетела огромная стая различных пичужек, они поднялись в воздух тучей, подняв невероятный гвалт. Кларк мелко задрожал, на холке дыбом встала шерсть. Он лупил хвостом направо и налево, что-то приговаривая на своём языке. А в небе появились охотники, различные хищники, и стая то расступалась перед ними при нападении, то снова сливалась в единое целое, пока не нырнула, напоминая комету с хвостом, в заросли леса. Кларк ещё долго не мог успокоиться, и что-то рассказывал Фернандо уже несколько огрубевшим голосом.

А Лаки рубил, рубил и рубил. День рубил, два рубил, неделю рубил. И только к концу второй недели они почти добрались до выхода, оставив небольшую, неширокую стену зарослей, маскирующую вход в канал с моря. По центру канала со стороны моря привязали к кустам лоскут парусины, видимый с моря только при полном отливе. Приливы и отливы не давали возможности работать полный световой день, поэтому и затянулась немного расчистка канала.

– Сюда, пожалуй, при желании, можно небольшую бригантину завести, – обронил Фернандо. – Глубина и ширина достаточная.

– Сомневаюсь, – ответил Лаки, – повороты крутые. Упрётся носом в берег и как шлюпка не развернётся, длина не даст.

– Значит не давать упираться носом в берег, разворачивать нужно.

– Чем разворачивать? Руками? И перо руля можно повредить.

– Ладно, поехали домой, там и потолкуем.

Вернувшись на свой берег и затянув шлюпку в кусты, они продолжили свой спор прямо на пляже. Рисовали на песке схему канала, где и как судно может застрять, и какие меры и действия нужно произвести, чтоб оно прошло без повреждений. Один предлагал одно, другой опровергал и выдвигал свою идею. День заканчивался, солнце собиралось спрятаться до утра, только тогда они отправились к дому. Ужин был на скорую руку и, как обычно, вечер заканчивался чаем из котелка и табачком. Однако, мысли о канале не отпускали.

– Ты же видел, стенки канала из застывшей лавы? Гладкие, без острых выступов. И если на берегу растут кусты и даже деревья, есть почва. То канал похож на место истечения лавы, течения постоянно омывали стенки, «вылизав» их до идеала. Так что, борт мы вряд ли повредим и даже поцарапаем, – сказал Лаки.

– Да, согласен. Только, наверное, придётся убрать бушприт, чтоб не застрял в кустах перед поворотом.

– Видел на повороте дерево на берегу? Прикроем к нему канат, благо, у нас есть отреи, разнесём его по берегу. Останется его подхватить, наложим на кнехты на баке, и на нём развернёмся, а потом отдадим. А бушприт? Не будешь же его рубить?

– А на втором повороте? Деревя нет там близко, да и конца второго нет. На разных судах бушприт по-разному крепится, надо смотреть – может удастся убрать при входе.

– Можно ствол дерева закрепить наискосок горизонтально на уровне воды, он и развернёт нос. Да это уже не столь важно, можно не торопиться, с моря его не будет видно. Что мы планируем, будто у нас есть судно. Пустая трата времени.

– Зря ты так. Нужно подготовиться, а будет или не будет, жизнь покажет. Давай уже доведём дело до конца, раз начали, осталось-то всего – совсем ничего.

– Уговорил, давай уже спать.

Пришлось ещё пару дней повозиться, чтоб воплотить в жизнь задуманное.

Рана на культе Фернандо почти затянулась, и он начал примерять свой ботинок и пытаться в нём ходить, но костыль не бросал. Ботинок ужасно натирал ногу. Фернандо лечил рану своей травяной кашицей и раз за разом подгонял отверстие в ботинке под свою ногу. Кожа на ране постепенно грубела, становилась мозолистой, притупляя боль, и Фернандо, наконец, пошёл на своих двоих, слегка прихрамывая.

Теперь можно было заняться восхождением на скалу. Фернандо превратил рею в лестницу на одной ноге, и в один из дней они отправились вдоль стены скалы искать подъём, вдвоём неся рею на плечах. Там, где им казалось, что выше есть уступы, по которым можно взобраться, они прислоняли к стене лестницу, и Лаки лез наверх, а Фернандо держал лестницу внизу. Но пока все было безрезультатно. Лаки спускался, и шли дальше. Он шёл впереди и, поравнявшись с тем местом, где струилась вода, хотел пройти мимо, но Фернандо его остановил:

– Почему не хочешь здесь попробовать?

– Так здесь вода струится.

– И что? Моряк воды испугался? Давай, лезь.

Они приставили лестницу. Лаки полез наверх. Лестница почти заканчивалась, и тут он углядел удобные уступы, правда мокрые. Попробовал перебраться на них, пробуя – не слишком ли скользкие. Оказались не слишком, и Лаки осторожно начал взбираться наверх, и вскоре уже с самого верха торжествующе прокричал:

– Фернандо! Я взобрался!

– Ты дорогу назад не забыл? А то останешься там жить, а мне придётся тебе еду на кончике подавать. Кстати, посмотри, там есть где конец закрепить? Я тебе шкентель²² с мусингами сделаю, будешь сам без меня подниматься.

– Да, есть. Наверху не крышка стола, конечно, но стоять здесь можно, и все видно вокруг. Можно и притаиться, в случае чего.

– Спускайся уже. Хорошо хоть, рею не придётся сегодня назад тащить.

Чуть погодя Лаки был внизу и радостно обнял Фернандо:

– Мы её победили! Сегодня можно будет наши брёвнышки запускать.

– Не торопись. Пока шкентель не сделаю, не полезешь. Нечего рисковать, я буду по тебе скучать, – закончил иронично Фернандо.

– Ну тебя, накаркаешь!

И они в хорошем настроении отправились домой, бросаясь друг в друга шутками.

Второй подъём на скалу Лаки предпринял после того, как Фернандо из обрывков троса с рей, связывая их и увеличивая в объёмах узлы для удобного упора для рук и ног, изготовил шкентель достаточной длины. Лаки закрепил конец шкентеля на вершине и сбросил его к ногам Фернандо. Длины не хватило буквально метра два, но это уже была не проблема, и Лаки быстро, не используя лестницу, спустился вниз. Можно было уже сегодня отправлять в плавание приготовленные брёвнышки.

С первого дня своего появления на острове Лаки вёл отсчёт дням, рисуя палочки угольком от костра и перечёркивая их по семь штук, на стене скалы у дома. Отмечал уровни и время подъёма и спада приливов, не каждый день, конечно, но примерную зависимость определил. Днём время помогало узнать солнце, а ночью – красноватая звезда на южном небосклоне

²² Вертикально подвешенный трос со специальными увеличенными в размерах узлами (мусингами) через каждые примерно 40 см, используемый в аварийных ситуациях в дополнение, либо вместо штормтрапа.

(Антарес, альфа созвездия Скорпиона). Поэтому время проведения задуманного мероприятия примерно было известно. Привязали к приготовленным брёвнам букеты ярких цветов. Нет, не ради праздничного мероприятия, а просто их легче будет разглядеть в море со скалы. Лаки предстояло отправиться на другой берег за светом, дожидаться начала отлива в расчищенном от зарослей месте, когда он в одиночку пытался прорубить тропу к морю. Дождаться там отлива и пустить бревна по течению. С окончанием отлива, примерно с двух до трех ночи, возвращаться обратно. А Фернандо для ориентира разожжёт в это время на берегу костёр. И с рассветом, уже со скалы Лаки попытается их обнаружить.

Мероприятие прошло вполне успешно. С первыми лучами солнца Лаки был на скале и высматривал в море бревна. Он лёг на небольшую площадку и свесил голову над обрывом, и к радости своей обнаружил «родные» бревна. Судя по всему, они обогнули остров с западной стороны и, по крайней мере, пока двигались в нужном направлении. Конечно, они не плыли вереницей друг за другом, но четыре из пяти держались относительно кучно. Пятого не было видно, может изначально где-то в кустах застрял, может позже в прибрежных камнях.

Каждые два-три часа Лаки поднимался на скалу в нетерпении. Но до чего ж медленно плыли бревна! Они растянулись и вишь, и по направлению движения. Последний раз поднимаясь на скалу перед заходом солнца, Лаки мог с уверенностью сказать, что течение несёт бревна в нужном направлении, слегка отклоняясь к западу. Но это не критично, дрейф можно учесть при плавании. Так что, при желании можно отправляться в путь. То, к чему он так долго стремился, можно было совершить. Но домой он вернулся грустным. Один он не хотел плыть, бросив здесь Фернандо, а вдвоём на этой маленькой шлюпке выходить в открытое море было крайне рискованно. Он рассказал о своих наблюдениях и выводах Фернандо. Фернандо, всегда словоохотливый, в этот раз молчал. Он тоже понимал, что один из них должен остаться здесь.

Вечером за традиционным чаепитием, пуская дымок, Фернандо разговорился:

– Ты знаешь, Лаки, если соберёшься плыть на тот остров, я за тебя буду только рад, за меня не переживай. Руки, ноги есть, я не пропаду. Я только-только начал отдыхать от жадности и алчности людей, которые как зараза поглощают все большее их количество. Меня и раньше такие люди, у которых нет ничего святого, доводили до иступления. А после того, как я пожил в индейском племени с их другим отношением к жизни, многому у них научился (он подробно рассказал о своём пребывании в племени), и видел, какие зверства творили мои соплеменники ради золота, я готов их просто рвать без пощады. Я понял, что не готов сейчас вернуться в общество. Может позже, когда смогу немного подзабыть и успокоиться. А пока я хочу остаться здесь.

– Фернандо, я один не поплыву, да и зачем? Начинать все заново? И ждать придёт или не придёт какое-либо судно, и чьё оно будет. А то вместо спасения, быстро вздёрнут на рее. А если и соберёмся, то только вдвоём. В конце концов у нас есть рея и стеньга от твоего судна, смастерим катамаран из шлюпки, и вперёд.

– Конечно, я буду по тебе скучать, но не надо жалеть меня, обманывать себя и зарекаться, – будто ничего не слыша, продолжал Фернандо. – Где меня найти, ты знаешь. Я постараюсь адрес не менять. Кстати, как называется наш остров?

– По большому счёту, нет у него названия. Помечен на карте как Ист Айленд (Восточный остров), называй его Эдем, с этим названием будет легче переносить наше заточение. И что ты все заладил про найдёшь, заберёшь? Я никуда не поплыву.

– Хочешь ты того или нет, тебе придётся покинуть остров, иначе, мы до конца дней своих останемся здесь. Мы канал не зря расчищали, чтоб не воспользоваться им, это было бы глупо. Вернёшься, позовёшь с собой, я с радостью пойду, захочешь остаться – тоже буду рад.

– Мы можем разжечь костёр на скале, как увидим проходящее судно, привлечь внимание, позвать на помощь.

– Не прельщайся, Лаки. В этих водах иньиряют далеко не спасатели. Не знаешь, что и лучше. Но участвовать в этих оргиях пиратов я не хочу. Уехать бы отсюда подальше.

– Фернандо, мы обязательно отсюда выберемся и уедем, дай срок.

Они ещё долго в этот вечер, вернее, уже ночь беседовали. Пришлось повторно и чай заваривать, и трубку табаком не раз набивать, да и сигарок выкурено не одна и не две. На следующий день и все последующие они ни словом, ни полусловом к этой теме больше не возвращались. Почти каждый день Лаки поднимался на скалу и осматривался. Иногда видел у горизонта паруса, но все они вдали проходили мимо.

Полгода, отведённые Трэмпом Лаки, давно минули. Честно говоря, Лаки его и не ждал. Время продолжало течь своим чередом. В тяжёлых условиях и ожиданиях, кажется, что оно еле-еле движется, зато при благоприятных – летит незаметно. Лаки продолжал охотиться, собирал травы для Фернандо, пришлось расширять «плантацию» табака и даже засеивать какими-то семенами, указанными Фернандо, новые расчищенные от джунглей участки. Фернандо на печи продолжал готовить неповторимые блюда, выезжал на шлюпке на рыбалку с Кларком. Кларк оказался прекрасным рыболовом. Он сидел на носу шлюпки и, увидев спину рыбы у поверхности воды, стрелой бросался сверху и хватал её зубами. Фернандо подставлял ему весло, и Кларк по веслу поднимался в шлюпку и бросал рыбу к ногам своего покровителя. Фернандо, в свою очередь, едва успевал снимать с крючков различную рыбу, которая водилась здесь в изобилии. Казалось бы, живи – не тужи.

Глава 4

В один из этих благословенных дней Лаки, как обычно, примерно в полдень поднялся на скалу и от неожиданности присел, укрылся за камнем. У Северного острова становилась на якорь небольшая двухмачтовая шхуна. Определить на таком расстоянии чья она было невозможно, флаг был неразличим. По всем признакам, она зашла пополнить запасы и собирается здесь заночевать. В сильном возбуждении Лаки вернулся к жилищу и все рассказал Фернандо. Фернандо, стараясь быть невозмутимым, хотя внутри все бурлило от горечи предстоящей разлуки, сказал:

– Лаки, тебе нужно поторавливаться, а то пропустишь отлив. Военных кораблей такого класса я не встречал, с пиратами ты сумеешь договориться.

– Но Фернандо! Мы же договорились! Ты же понимаешь, что я не смогу вернуться назад, если ошибусь, – он продолжал сопротивляться, но в нём яростно боролись два противоположных желания.

– Понимаю. Но когда подвернётся следующий шанс? Собирайся! Вот тебе вода на дорогу и мясо я засушил по индейскому рецепту. Возьми мой кинжал, понадежнее будет, а мне оставь свой нож.

– Я возьму свой двухзарядный пистолет и несколько зарядов, ружьё оставлю тебе, – начал сдаваться Лаки. – Фернандо, а может все-таки...

– Нет, вопрос решён. Время не ждёт. Пошли к озеру, тебе засветло нужно его переплыть, а там дождёшься отлива. Береги себя, Лаки. Я буду тебя ждать.

Они спустились к озеру, приготовили шлюпку, но Лаки никак не решался сесть в неё, все искал причины отодвинуть время разлуки. Начал объяснять в каких местах поставлены силки и капканы, где растёт табак и где он посадил его семена. Он описывал каждый кустик, который он использовал для ориентира. Тем временем солнце село, а в тех местах после захода темнеет очень быстро. Фернандо терпеливо, чуть склонив голову, слушал. Лаки попытался предъявить последний аргумент:

– Стемнело. Как я найду в темноте выход?

– Лаки, ты меня начинаешь разочаровывать, – он поджёг костёр. – Гребни от костра, а там течение подхватит. Нужно захватить его самое начало – всё на два-три гребка вёслами легче будет. Садись.

Они ещё раз обнялись уже молча. Лаки потрепал Кларка, прощаясь, и обречённо сел в шлюпку. Фернандо оттолкнул шлюпку от берега. Лаки погреб, а Фернандо стоял на берегу и смотрел на удаляющуюся шлюпку, ещё видимую в свете костра, пока она не растаяла в темноте.

Течение вынесло шлюпку Лаки из «райского уголка» и потянуло её, как и предполагалось, на запад. Ночь была тёмная, хоть глаз выколи, ничего не видно, только лёгкий знакомый шум воды выдавал близость прибрежных камней. Лаки старался удерживать шлюпку подальше от берега, опасаясь наскочить на скалу и разбить её.

Вскоре лёгкий прохладный ветерок слева подсказал, что шлюпка миновала южную часть острова, и течение сейчас пригласит их на север. Он отыскал в небе свою красноватую звёздочку и, ориентируясь по ней, повернул шлюпку на север. Ветерок хоть и был ближе к слабому, но он был встречным. И море с небольшой рябью на воде нет-нет, да и пустит навстречу шлюпке волну, которая, разбиваясь о нос шлюпки, обдаст спину Лаки брызгами и прошмыгнёт мимо почти вровень с бортами шлюпки. Лаки держал перед глазами свою путеводную звезду и грёб от неё, как и от костра, в противоположную сторону. Он опасался, что шхуна с рассветом снимется с якоря, и он останется ни с чем, поэтому налегал на вёсла так, что уключины жалобно пели и скрипели, умоляя их пожалеть.

Иногда Лаки останавливался сделать глоток воды. С мокрой куртки со спины валялся пар, он приподнимался, оглядываясь, но с высоты, шлюпки фонаря ихуны ещё не было видно. Первый раз, достав из сумки сосуд с водой, он удивился. Вместо бутылки обнаружил высушенные из какого-то плода сосиски, похожие на вытянутую грушу с аккуратной пробкой. Каждый из них, наверное, с литр. «Ну Фернандо! – с теплотой подумал Лаки. – Ты всё заранее приготовил втайне от меня. Когда ты успел эти три сосиски изготовить? А я ещё подумал, что сумка тяжелее, чем должна бы быть, с чего бы это? К сожалению, Фернандо, вдвоём в шлюпке нас бы прилично заливало, но как мне тебя не хватает!» Он вздохнул и опять налёг на вёсла.

В очередной раз, оглянувшись, он с трудом разглядел тусклый фонарь на ихуне. Шлюпка слегка отклонилась от курса, но теперь уже было легче ориентироваться. Небо начало сереть перед рассветом, когда Лаки приблизился к ихуне. Он разглядел, что кормовая шлюпка отсутствует, а у воды свободные шлюпталы,²³ свисающие со шлюпбалок²⁴. На берегу виднелся костёр, наверное, и шлюпка была там с частью экипажа. По квартердеку с борта на борт ходил вахтенный офицер. «Успел!» – облегчённо выдохнул Лаки. Ладони от вёсел горели, руки чуть подрагивали от перенапряжения, но все это уже мелочи.

Лаки собрался окликнуть офицера, чтоб подали ему конец – закрепить шлюпку у борта, но вдруг услышал английскую речь. Он замер. Офицер кого-то распекал на палубе, кого – Лаки не было видно. Осторожно, стараясь не плеснуть веслом, подплыл к корме, привязал шлюпку к шлюпталым и притаился. Что делать? Как поступить? Он слегка отдышался, никакого плана в голову не приходило. «Буэнавентура», – прочитал он на корме название ихуны и усмехнулся, – посмотрим, какая у тебя «Счастливая судьба».

И, будто, и не к месту, в памяти всплыл образ Трэма. От ненависти у него задрожали руки, он с яростью сжал кулаки, захрустев пальцами. Сунул за пояс кинжал и пистолет и, дождавшись очередной брани офицера, скрывающей посторонние звуки, ловко по шлюпталым поднялся на борт, подскочил к офицеру сзади и приставил кинжал под его правое ухо, а левой рукой отобрал пистолет и шпагу:

– Сколько вас на ихуне, приятель. Тихо, не дури! – проговорил Лаки.

– Пятеро. Нет, нас четверо, – от неожиданности офицер с трудом говорил.

– Так пятеро или четверо? – угрожающе спросил Лаки. Он шпагой, держа её в левой руке, упёрся в спину офицеру, в правую взял его пистолет, сунув кинжал за пояс.

– Четверо. Я и вон на палубе трое матросов, – его голос дрожал.

– Остальные?

– Все на берегу. Запасаемся водой, фруктами и дичью. Они подвозят, а мы принимаем и разносим по кладовым.

Гики обоих парусов находились на правом борту, это устраивало Лаки. Осталось поднять паруса и выбрать якорь.

– Прикажи поднять фок! – приказал Лаки офицеру.

– А если я откажусь? – с небольшой заминкой спросил офицер.

– Тогда я прикажу, но ты мне уже не будешь нужен на этом свете. – пригрозил Лаки, сильнее придавливая в спину острие шпаги.

– Эй, на палубе! – он в очередной раз разразился бранью, на этот раз, видимо, в свой адрес, и приказал поднять фок.²⁵

²³ Тросы с системой блоков, предназначенных для подъема и спуска шлюпки.

²⁴ Устройство, состоящее из двух балок с изогнутыми (устаревш.) верхними оконечностями, предназначенное для спуска и подъёма шлюпки.

²⁵ Основной парус на (носовой) фок-мачте

Матросы ошеломлённо повернули головы к офицеру и только тут в слабом начинающемся рассвете разглядели плачевное его состояние. Они медлили, а один из них потянулся к ружью, совсем рядом стоящему у фальшборта. Они не знали Лаки. Рука была прострелена в то же мгновение. Лаки бросил разряженный пистолет на палубу и достал из-за пояса свой.

«Не переживайте, гостинцев на всех хватит. Живо, шевелись!» – приказал он.

В его голосе улавливалась привычка командовать, не терпящая возражений, и матросы бросились выполнять приказ. А Лаки, угрожая шпагой, оттеснил офицера к корме и приказал спускаться в шлюпку по шлюпталям и ждать там остальных.

Поднятый парус, хлопнув несколько раз, поймал ветер, якорный канат постепенно набился (натянулся), удерживая ихуну.

«Вы, двое, ко мне! Спускайтесь в шлюпку! – продолжал отдавать команды Лаки, – А ты, руби якорный канат!»

На берегу услышали выстрел и разглядели поднимаемый парус. Несколько человек бросились к шлюпке, столкнули её на воду и в шесть весел погребли к ихуне.

Двое матросов поднялись на квартердек и, перегнувшись через кормовой фальшборт, обнаружили, что шлюпки у борта нет. Офицер уплыл, не дожидаясь. Они вопросительно глянули на Лаки.

«За борт! – приказал он. – Догоняйте эту сволочь, он недалеко. Догоните, можете утопить, пока не рассвело и не видно».

Третий, перерубив канат, и с топором в руке попытался что-то возразить Лаки, но пуля, вошедшая в палубу у самой его пятки и задевшая каблук, подстегнула его, и он так с топором в руке прыгнул за борт.

Лаки встал на руль, лёг на курс Норд-Ост. Его сейчас мало занимало, как он будет в одиночку управлять ихуной, пока главное – уйти от этого места как можно дальше. Ветерок, хоть и слабый, и всего один парус, но на вёслах уже не догонишь. «Буэнавентура» удалялась все дальше и дальше. Лаки оглядывался и на свой, покинутый им остров, и шептал: «Я вернусь за тобой, Фернандо! Обязательно вернусь. Дождись меня». И тут он различил какой-то стук в трюме. Это был не беспорядочный стук, а хоть и слабые, но отчётливо различимые три удара и через паузу ещё три удара. Они повторялись раз за разом.

Лаки сунул шпагу сквозь рулевую колонку между спиц штурвала, зафиксировав его, и спустился с квартердека на палубу выяснить причину стука. Стук доносился из открытого люка на палубе позади фок-мачты. Лаки с пистолетом наготове спустился в люк на палубу ниже, там никого не было, а стук, теперь более отчётливо, раздавался ещё ниже. Он открыл крышку люка в самый нижний отсек. Оттуда пахло накопившейся смесью кислого смрада, плесени и затхлости так, что Лаки отпрянул. Стараясь не вдыхать этот запах, он крикнул вниз:

– Есть кто здесь? Выходи!

– Я не могу, я привязан, – раздался снизу слабый голос.

Набрав побольше воздуха и прикрыв нос рукавом, Лаки почти спрыгнул в отсек. Глаза, привыкнув к темноте, разглядели человека, со связанными руками вокруг пиллерса.²⁶ Лаки быстро перерезал путы на руках бедняги и со словами: «За мной, живо!» выскочил пугай на открытую палубу, на свежий воздух. Он стоял у люка с пистолетом, ожидая появления бедолаги. Высунувшись из люка по пояс, человек от света зажмурил глаза и жадно вдыхал свежий морской воздух. Лаки его не торопил, ждал, когда тот отдышится и привыкнет к свету. И когда он полностью поднялся на палубу, Лаки оценивающе его оглядел. Это был дылда на полголовы выше его, не так широк в плечах, как Лаки, но жилистые руки и крепкие мышцы выдавали в нём силу, которой мог, пожалуй, потягаться с ним самим. Он был по пояс голый,

²⁶ Вертикальная несущая стойка судового набора корпуса.

а спину украшали следы не очень давней порки. Он стоял перед Лаки, слегка покачиваясь от слабости, пытаясь с ней совладать.

– Ты кто? Как тебя зовут? Другого места не мог выбрать на ихуне для обитания? – задал Лаки сразу несколько вопросов.

– Сэр, матрос я военного флота Британии. Зовут Ирландцем, – он криво усмехнулся, – место не я выбирал.

– Я тебе не сэр, можешь обращаться как к капитану. Я теперь здесь капитан и спрашиваю твоё настоящее имя. Зачем тебя заперли?

– В детстве звали Мак Грэг, а всю остальную жизнь ирландцем. Меня не сегодня завтра собирались повесить, остановка у острова помешала.

– Выходит, Мак Грэг, я разрушил твои планы? Извини. За что ж тебя так?

Мак Грэг попытался улыбнуться, но вместо улыбки лицо перекосила гримаса:

– Сэр...

– Мак Грэг! – повысил голос Лаки

– Извини, капитан. Я ударил старшего офицера, и был приговорён к повешению.

– Понятно, – помрачнел Лаки. – Это они запросто.

В сознание Мак Грэга наконец полностью вошла и утвердилась мысль о своём чудесном избавлении от погибели. Его всего затрясло, ноги начали подкашиваться, и он упал бы на колени перед Лаки:

– Капитан, ты спас меня от смерти. Я всю оставшуюся жизнь...

– Стоп, стоп, стоп! – успел подхватить его за плечи Лаки. – Никогда больше так не делай! Ну и разит от тебя! Тебе есть во что переодеться? Искупайся, я буду ждать тебя на квартердеке, там и поговорим.

– Да, капитан, у меня есть свой рундук, небольшой сундучок. Там чистая одежда. Я её перед сражением всегда одевал.

– Может и мне что-нибудь подберёшь? А то я сам на оборванца похож.

И они разошлись в разные стороны, Мак Грэг – на бак, а Лаки – на корму. Он поднялся к штурвалу и посмотрел на картушку компаса, каким курсом идёт «Буэнавентура». Она хоть и рыскала немного, но неторопливо, подгоняемая ветерком, шла примерно на северо-восток. Лаки набил трубку табаком и с наслаждением раскурил её, ожидая Мак Грэга, спустился в штурманскую рубку. На столе была разложена карта района, и он стал внимательно её изучать. Нашёл свой остров и другой северный, карандашом провёл от него линию на северо-восток, а где на этой линии они находятся, он не знал и поставил знак вопроса.

Может через час, может чуть позже в рубку зашёл Мак Грэг, а следом сильный запах то ли духов, то ли одеколона. Он был одет, как описан выше, а через левую руку перекинута одежда для Лаки, в правой – сапоги. Лаки повёл носом, приставил указательный палец к носу и вопросительно посмотрел на Мак Грэга.

– Я взял у старшего офицера немного ароматной воды, – ответил он на взгляд Лаки, – она ему больше не понадобится.

– Мак Грэг, её совсем немного нужно брать, а не умываться ею. Теперь неделю будешь вонять, пока выветришься. – он оглядел одеяние Мак Грэга и, показывая на штаны и мокасины, спросил, – Другого лучше не нашёл?

– Нет, капитан. Это лучшая, это моя одежда. Разреши мне взять этот камзол и шляпу? – он указал на одетый уже синий камзол и треуголку на голове.

– Бери, – пожал плечами Лаки, – понравилось?

– Нет. Это одежда старшего офицера, она будет мне напоминать о нем. У меня осталось в жизни две цели: первая – найти старшего офицера и отомстить ему, тогда я сниму его одежду. А вторая... Нет не верно, это первая – я буду тебе слугой до конца дней своих или пока не прогонишь. Вот одежду тебе принёс, одевай. Сапоги хорошие, из мягкой кожи, я

толк знаю. Штаны из добротного материала, боюсь, коротковаты будут, но можно в сапоги заправить. И куртки размером больше этой нет.

– Спасибо, Мак Грэг, за одежду, сейчас примерю. А слуга мне не нужен, я пока сам в состоянии о себе позаботиться. Вот помощник нужен. Иди уже на воздух на квартердек, сил нет нюхать твой аромат. Я переоденусь и присоединюсь.

Вскоре он предстал перед Мак Грэгом в новом одеянии, и растопырив руки перед ним, как будто красуясь, сказал:

– Для парада хороша, для работы непригодна. Нужна и роба попроще.

– Подберу, капитан.

– Ну, а теперь рассказывай подробно обо всем. Хотя, погоди, давай хоть по куску хлеба и чаю заварим, да и ты сколько дней не ел? Где тут камбуз?

– Я сварю кофе, меня научили. У капитана, – и добавил, – бывшего в каюте есть.

И они отправились в сторону камбуза. Лаки примостился на каком-то ящичке у переборки камбуза и, сидя, почти сразу уснул. Он уже больше суток был на ногах без сна и отдыха, а теперь, когда опасность отступила, расслабился и отключился. Тем временем Мак Грэг раскопегарил дровами печь, намолот кофе. Выглянул спросить, насколько крепкий готовить кофе, и увидев, что Лаки спит, будить не стал. Приготовить можно быстро, была бы печь готова. Пусть поспит. А сам выловил из кастрюли заячью варёную лапу и со скоростью дробильной машины принялся её уничтожать, обсасывая каждую косточку как особое лакомство.

Через тридцать, или сорок минут Лаки открыл глаза, обвёл взглядом обстановку, вспомнил все и окликнул Мак Грэга: «Где мой кофе?»

Мак Грэг намазал на приличный ломоть хлеба пахнет из заячьей печени, налил в небольшую чашку кофе и вынес капитану. Лаки, увидев чашку, шутливо спросил:

– Мак Грэг, ты решил на капитане экономить? Другой посуды, нет?

– Кофе очень крепкий, капитан.

– Так и я вроде не хилый мальчонка. Неси другую посуду. С этой пей сам.

Получив желаемое, кружку раза в три больше первой, принялся за еду, запивая её из кружки. Покончив с едой и взбодрённые кофе, они вернулись на квартердек. Лаки набил трубку табаком, раскурил и умиротворённый устроился на одном из шезлонгов, на другой указал Мак Грэгу:

– Вот теперь рассказывай.

– Что может быть интересного в моей жизни? Сирота, с малолетства на угольных складах в порту грузчиком, почти за еду. Чуть постарше взяли юнгой, потом матросом. Подвернулся случай, поступил матросом на фрегат «Квин» и проклял тот день, когда моя нога ступила на его палубу. И до него, ко мне, как к ирландцу, отношение было далеко не доброжелательное, но на фрегате оно было хуже, чем крабу. Особенно усердствовал старший офицер Джонсон. Доставалось мне ни за что, ни про что. Не боль была главной, а чувство несправедливости. Фрегат наш курсировал вдоль берегов Европы и Африки. Вступали в стычки с кораблями противника, захватывали чужие торговые суда и отводили их в наши порты. Потом пришли сюда, экипажу сказали, охранять наши торговые суда. А на деле вышло – заниматься рейдерством. Некоторые суда захватывали и отводили в наши фактории в Новом Свете, другие – грабили и топили, а зачастую – просто топили, расстреливая их из пушек.

– Об этом я уже слышал, хотя сразу не поверил моему другу, – вставил Лаки.

– Какому другу?

– Придёт время, узнаешь. А откуда в вашем распоряжении «Буэнавентура»?

– Как и другие, была захвачена и полностью разграблена. Но не потопили, для каких-то целей приберегли. Даже добровольцев на неё собирали, я вызвался тоже, чтоб избавиться от старшего офицера. А его, как назло, тоже перевели сюда.

– А где бывший экипаж ихуны?

– Об этом лучше не спрашивать, капитан, – чуть помедлив, ответил Мак Грэг.

– Понятно. Что было дальше? – у Лаки заходили желваки.

– На ихуне я чаще стал попадаться ему на глаза. В очередной раз он сам придумал мне вину, приказал выпороть, а после встал передо мной и, злорадно улыбаясь, начал что-то про ирландскую рожу мне толковать. У меня в голове помутилось, я его уже не слышал, был на взводе, как паровой котёл перед взрывом. И когда он попытался меня ударить, все получилось машинально. Я так припечатал в его улыбающуюся физиономию, – Мак Грэг показал кулак и чуть грустно улыбнулся, – что его двое суток в чувство приводили. Мне кажется, до конца и не привели.

Лаки глянул на кулак и удовлетворённо усмехнулся:

– Оказывается, Мак Грэг, ты deboшир. Ни дня не можешь без драки. Поэтому я предлагаю тебе должность старшего помощника и квартирмейстера.²⁷

– Почему старшего, капитан? Я грамоте не обучен.

– Других вакансий у меня нет, все занято, видишь? – он повёл рукой по ихуне. – Принимай предложение, а грамоте при желании обучишься. Я сам не в школе учился.

– Я выполню любой твой приказ, капитан. Принимаю предложение.

– Вот и славно! Кстати, старший офицер не тот, что сегодня командовал с квартердека?

– Он самый. Я слышал его голос.

– Эх, знать бы раньше. Я бы его пригласил погостить у нас и по душам с тобой побеседовать. Ну а пока занимай его каюту, располагайся. Заставь себя выспаться, вечером ляжем в дрейф, ночную вахту поделим на двоих.

Мак Грэг удалился, а Лаки отправился знакомиться с устройством и расположением различных механизмов и устройств, палуб и помещений. На ихуне оказалось четыре небольшие пушки, почти фальконеты, по две с каждого борта. Небольшой запас пороха и ядер, несколько ружей и пистолетов. С продуктами было похуже, в достаточном количестве ещё не успели запастись, но на двоих их было довольно. В целом Лаки вполне остался доволен ихуной.

Часа через три Мак Грэг уже стоял перед капитаном Лаки.

– Я тебе приказал выспаться! – неодобрительно сказал капитан Лаки.

– Я хорошо выспался, капитан. Я научился спать мало, но полностью успеваю отдохнуть. Нам нужно поужинать, я приготовлю.

– Да, я совсем забыл про еду. От ужина не откажусь. Сначала ляжем в дрейф.

Они спустили парус и легли в дрейф, Мак Грэг пошёл готовить ужин. После ужина они расположились на квартердеке с чашками кофе в руках. Капитан начал набивать свою трубку табаком и предложил табак Мак Грэгу.

– Нет, капитан, я не приучен курить, мне это не нравится.

– А мы с Фернандо любим, это было лучшее время суток в нашей жизни. Кофе, конечно, хороший, но с его чаем не сравнится.

Мак Грэг не стал переспрашивать, кто такой Фернандо. Знал, придёт время, и он все узнает. Солнце клонилось к закату и Мак Грэг приготовил два масляных фонаря. Капитан докурив трубку, потянулся так, что все кости затрещали:

– Я, пожалуй, проспал бы сутки, не вставая.

– Иди отдыхать, капитан. Пусть первая половина ночи будет моя.

– Хорошо, пусть будет, по-твоему. Разбудишь в два часа, если что заметишь подозрительное – буди немедленно.

²⁷ Общее руководство в повседневной жизни экипажа, предводитель abordажной команды.

Взяв один фонарь, капитан Лаки удалился. Он разделся в каюте капитана, и за долгое время впервые улёгся в мягкую чистую постель, и крепко заснул.

Ночью его разбудил Мак Грэг, приглашая на капитанский мостик. Капитан посмотрел на хронометр в каюте, было ровно два часа. Он, чуть удивившись, хмыкнул и, поднявшись на четвердек, спросил:

– Откуда ты так точно узнал время? У тебя же нет часов.

– Не знаю, капитан. Где-то внутри кто-то подсказал, что пора.

– Проснуться я могу в точно назначенное время, а когда не сплю – время не замечаю. Оказывается, мне есть ещё чему учиться. Иди отдыхай, твоя очередь.

Ветерок стал чуть свежее, но направление оставалось прежнее, где-то в секторе от севера до северо-запада. «Бюэнавентура» развернулась носом к ветру и слегка покачивалась на небольшой волне. В тихой тропической ночи ощущались умиротворённость и спокойствие, будто не происходит в этих водах никаких злодеяний. Капитан Лаки отыскал на небе свою красноватую звёздочку и подмигнул ей, приветствуя. Осмотрелся вокруг, горизонта в ночи не было видно, взяв фонарь, обошёл ихуну, все было в порядке, ничто не вызывало беспокойства. Он устроился в шезлонге, раскурил свою трубку и пуская клубы дыма, поглядывал по сторонам.

К пяти часам уже рассвело, и перед капитаном вырос Мак Грэг.

– Ты чего вскочил? Тебе ещё рано, иди поспи, – сказал капитан.

– Я приготовлю кофе, потом займусь приготовлением еды на сегодня, – ответил Мак Грэг и удалился на камбуз.

Вскоре из трубы камбуза пошёл дым, и ещё чуть погодя капитан с помощником пили кофе на мостике. И тут капитан Лаки поведал свой план Мак Грэгу:

– Мы от острова ушли на северо-восток, все видели. Если и кинутся догонять, то не сразу, а мы сейчас пойдём на юго-восток, там не будут искать. Через сутки повернём на запад и вернёмся с другой стороны.

– Зачем нам возвращаться, капитан? Затеряемся здесь, никто не найдёт.

– Ты из трюма не видел. Там к югу от того острова, где вы встали, есть другой, поменьше. На нём мой друг Фернандо, я должен его обязательно забрать.

– Тогда другое дело, обязательно заберём, только как? У нас нет ни якоря, ни шлюпки?

– Потом объясню. Рискованное дело, но ради Фернандо я готов рискнуть.

– Я с тобой, капитан. Пойду пока готовить обед, посмотрю, что нам из продуктов досталось.

– Нет, Мак Грэг. Давай поставим паруса, ляжем на нужный курс, потом и пойдём. А я встану на руль, теперь поточнее нужно быть, и так сутки болтались по воле ветра. Можем промахнуться мимо острова, не найдём.

Они перебросили гики обеих мачт на левый борт и первым принялись поднимать опять фок. Парус затрепетал на ветру, а ветер начал разворачивать ихуну в нужном направлении. Капитан встал к штурвалу и, переложив руль, помогал ихуне быстрее лечь на курс. Мак Грэг в свою очередь набивал (натягивал) и крепил снасти в нужном положении у фок-мачты.

– Прямо по носу шлюпка! – с сомнением в голосе громко доложил Мак Грэг.

– Неси подозрительную трубу из штурманской, – распорядился капитан.

Они принялись рассматривать в трубу еле видимый, чуть большие щепки, предмет на поверхности воды. Он то появлялся, то снова пропадал из виду.

– Да, похоже на шлюпку. Проверим. – распорядился капитан.

– Опять, боюсь, останемся без горячего обеда и ужина, – пробурчал Мак Грэг.

Вышли точно на шлюпку, вовремя спустили парус и остановились, оставив шлюпку справа метрах в пяти от борта. В шлюпке находились трое матросов в тельняшках и белых флотских брюках. Двое из них сидели на дне шлюпки, прислонившись спиной к бортам и све-

сив голову на грудь. Третий был покрепче и просил помощи на итальянском. Мак Грэг бросил ему выброску,²⁸ подтянул шлюпку к борту и жестами предложил подняться на борт шхуны. Матрос что-то горячо говорил, указывая на своих товарищей. Капитан Лаки немного понимал итальянский при условии, что собеседник говорит медленно, и мог сам объясниться. Но как уговорить итальянца говорить медленно? Он после первых трех слов начинает ускоряться, и к пятому или седьмому уже тарахтит как трещотка.

Здесь было понятно без слов, что эти двое самостоятельно не поднимутся на шхуну. Тогда подали ещё один конец потопице и после того, как итальянец обвязал им товарищей под мышками, по одному подняли на борт. Оставшемуся третьему объяснили, чтоб шёл под корму, под шлюптал и закрепил к ним шлюпку. Размер шлюпки немного не совпадал с размером предыдущей штатной, но все-таки, шлюпка была закреплена, и вместе с итальянцем поднята на своё место.

– Энрико, – представился итальянец, вылезая из шлюпки. И указывая на своих товарищей, – Паоло и Николо.

– Успеем познакомиться, нужно в чувство их привести. Я своего друга только ромом сумел оживить, – сказал капитан.

– О, ром, ром! – залепетал Энрико, указывая на шлюпку.

– Так неси, а мы пока водой попробуем. Пошли, Мак Грэг.

Они спустились на палубу и принялись приводить в чувство Паоло и Николо, смачивая их головы прохладной водой и пытаясь напоить. В конце концов те открыли глаза и с опаской смотрели на Лаки и Мак Грэга, но увидев Энрико с бочонком в руках, успокоились и даже попытались встать.

– Сидите, сидите, – сказал капитан, – Не торопитесь, пейте воду, чуть позже дадим вам немного поесть.

– Сеньор капитана! – начал Энрико, держа бочонок в руках.

– Да поставь ты бочку на палубу, не украдём, – и обратился к Мак Грэгу, – ты не желаешь чарку рома принять?

– Не откажусь, – ответил Мак Грэг.

– Тогда, давай посуду!

Мак Грэг принёс три кружки. В две Энрико налил ром, а себе пресной воды, и почти залпом выпил, налил ещё. Энрико был старше своих товарищей и покрепче, те были совсем молодыми, но на слабаков тоже не походили. Устроившись прямо на палубе в кружок, капитан и Мак Грэг приготовились слушать, а Энрико – рассказывать. Он отпил ещё воды из кружки и, жестикулируя, горячо и эмоционально застрекотал как автомат. Паоло и Николо тоже оживились, дополняя рассказ Энрико, иногда вступая с ним в спор. До сознания капитана и Мак Грэга доходили отдельные понятные слова и фразы, но связать их воедино не получалось. Капитан остановил Энрико, попросил помедленнее и начать все заново. Энрико вздохнул и начал заново медленно, но через пару минут возбуждался и начинал «набирать обороты», тогда Мак Грэг приподнимал руку, притормаживая его. В итоге, с третьей попытки удалось примерно выяснить, что они артиллеристы французского корабля «Индепендансе», хотя сами итальянцы. Сопровождали суда с переселенцами из Франции на новые земли и должны были охранять поселения от нападения пиратов. Однако, позже сами занялись захватом чужих судов и препровождением их в свои поселения. Тех, кто не хотел подчиниться, расстреливали из артиллерии, пуская ко дну. Однажды, остановили очередное судно и экипаж готов был сдаться, но капитан Макронель куда-то торопился, и поступила команда открыть огонь из пушек. Энрико с товарищами разглядели на судне женщин и детей, они не

²⁸ Тонкий бросательный конец с грузиком (грушей) на конце для удобства бросания, служащий проводником для более толстого каната.

могли по ним стрелять. В наказание и назидание другим Макронель приказал посадить их в шлюпку, дали бочонок рома и солонины, зная, что это только усилит пытку от жажды, отобрали вёсла и оттолкнули от борта корабля. Пятый день они в море, Энрико держался, ни к чему не прикасался, а молодые не послушали его и попробовали и того, и другого. За это и поплатились нестерпимой жаждой, до потери сознания. Несли бы не «Буэнавентура», вскоре отошли бы все к праотцам.

Капитан и Мак Грэг слушали и все больше мрачнели, дажесом не сглаживал злость от услышанного, а только усиливал впечатления.

– Капитан, я только немного подкреплюсь солониной, теперь уже можно есть её проклятую, и буду готов к работе. И ребята, я думаю, сегодня к вечеру уже встанут на ноги, – проговорил Энрико, переплетая итальянскую речь испанскими, французскими и английскими словами.

– Хорошо, я буду на мостике. Будешь готов – будем ставить паруса.

На мостике, на квартердеке капитан в подзорную трубу осматривал горизонт и раз за разом мысленно проворачивал в голове план входа шхуны в озеро по каналу. Он задумался и не сразу услышал, что его зовут. Перед ним палубой ниже на удивление стояли уже все три итальянца.

«Капитан,» – начал Энрико и опять понёсся вскачь на итальянском. Паоло и Николо утвердительно кивали головами на его слова. Энрико, продолжая говорить, достал нож и полоснул им себя по правой ладони, выступила кровь. То же самое проделали Паоло и Николо. Энрико вытянул руку ладонью вверх, и Паоло с Николо положили на неё свои ладони, перемазав друг друга кровью. Затем они приложили руки к сердцам и, глядя в глаза капитану, с твёрдой решительностью по очереди произнесли на итальянском: «Клянусь!» – при этом склонив головы в полупоклоне.

Капитан спустился к ним с мостика и, положив руки на плечи матросам, стоящих в полукруге:

– Не надо клясться, я и так верю вам. У нас у всех здесь судьба подкалечена примерно одинаково. С этим теперь нам жить и стараться не стать зверем.

– Мы с тобой капитан, только прикажи, – произнёс Энрико.

– Я назначаю тебя боцманом. Справишься? – спросил капитан у Энрико.

– Справлюсь, приходилось.

– Хорошо. Дай ребятам немного поест и проконтролируй, чтоб не налегали сильно на еду, а то животы поскручивает. И будем поднимать паруса. Пойдём на зюйд-ост,²⁹ нужно поторапливаться.

Не сказать, что быстро, но паруса были подняты, и «Буэнавентура», будто соскучилась по скорости, радостно под всеми парусами понеслась вперёд с новым экипажем. Энрико привёл Паоло на мостик и предложил капитану его в качестве рулевого. Потом его сменил Николо, а в случае необходимости, и сам Энрико. Паоло немного покачивался иногда от слабости, но болеть было некогда, он уверенно и точно держал курс, намного облегчив работу капитана и его помощника. Суток капитан и помощник поделили на двоих – на шестичасовые вахты. А пока в оставшееся светлое время суток занялись наведением порядка на шхуне. На отдых времени оставалось совсем мало, но силы придавало ощущение другой, новой жизни.

Утром капитан приказал убрать дополнительные паруса, оставить только фок и грот и лечь на курс строго на запад. Теперь торопиться не следовало, пока план входа в озеро не будет проработан до мельчайших подробностей. Капитан собрал на мостике весь экипаж на

²⁹ Для самых любознательных. Картушка компаса делилась на 32 румба, каждый румб имел свое название. В первой четверти картушки: Н (норд) – НтО (норд тень ост) – ННО – НОтН – НО – НОтО – ОНО – ОтН – О. В западную сторону начинались с НтВ (норд тень вест). В южной части начинались с ЗтО или ЗтВ.

совет. Ну, то есть, позвал Мак Грэга, Энрико и Паоло, Николо и так находился на мостике – стоял на руле. Вот и весь экипаж.

Лаки принёс из каюты пару листов каких-то документов, даже не глянув на них, принялся на обороте рисовать схему канала острова и изложил свой план прохода по нему. Кто и когда должен будет подхватить приготовленный на левом берегу канат, уложить его на носовые кнехты³⁰ и удерживать нос ихуны, пока она не повернёт. Затем отдать его и на следующем повороте вправо держать под рукой кранцы³¹ с правого борта ближе к середине ихуны и слева – на корме. Единственным препятствием был бушприт,³² удлиняющий и без того критические размеры ихуны для прохода каналом. Рубить его не хотелось, иначе ихуна потеряет в скорости, которая ей ещё, ой, как может пригодиться. Было предложено переделывать его на съёмный и убирать перед проходом канала.

Мак Грэг и боцман отправились на бак ознакомиться с принципом крепления бушприта на этом судне, и что можно сделать. Вернувшись, Мак Грэг доложил, что сделать его съёмным будет сложно, зато можно сделать подъёмным, и ставить его вертикально при необходимости. Боцман кивнул и попросил сутки на переделку.

Капитан размышлял, представляя, как это будет выглядеть, и машинально прочитал документ, который держал в руке с нарисованной схемой канала на обороте. Он вздрогнул и с возмущением в голосе, хотя Мак Грэг был рядом, закричал:

– Мак Грэг! Мы, оказывается, флибустьеры! – он в возбуждении протянул документ Мак Грэгу. – На, читай!

– Капитан, наверное, забыл? Я не умею читать.

– Тогда слушай! Если отбросить все причёсанные и приглаженные слова, то смысл в том, что нам, то есть «Буэнавентуре» позволяется нападать и захватывать торговые суда противника, грабить их, а несогласных с этим, куда девать? Правильно, мёртвые правды не расскажут. А написано как? Препроводить судно и груз в целостности и сохранности в порт английской фактории, экипажу вреда не чинить. Каперское свидетельство³³

³⁰ Парные тумбы на общем основании, предназначенные для крепления на них швартовных концов, укладываемых «восьмёрками»

³¹ Небольшие плетеные мешки, набитые амортизирующим материалом, служащие для защиты корпуса от повреждения при жёстком касании о причал, либо другое судно.

³² Горизонтальное или наклонное рангоутное дерево (брус), выступающее вперёд от носа судна.

³³ Документ, выдаваемый правительственными органами, разрешающий частному судну атаковать и захватывать торговые суда противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.